

Мерчанский Михаил
Алексеевич

О жизни,
О судьбе.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Этот текст воспроизведен из рукописного источника - фотокопии старой тетради, хранящейся как реликвия в семье Виктора Мержанова - внука Михаила Алексеевича Мерчанского. Публикуется впервые, без купюр, практически, слово в слово, таким, каким его увидел, прочитал и распечатал А.К.Бондаренко

2012 год

Мерчанский И. Б.

Мерчанский Михаил Алексеевич

1897 - 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Алексеевич Мерчанский прошел через Колымские лагеря в России, многолетнее поселение в Магадане. В своих письменных воспоминаниях он оставил свидетельства очевидца преступлений, совершенных самым бесчеловечным режимом нашей цивилизации.

“Колыма-Освенцим без печей. На кораблях, как на тележках газовых печей Освенцима, везли за море пароход за пароходом, этап за этапом”.

“Память о тех миллионах убитых, замученных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана”.

“Миллионы трупов - бессмертных в вечной мерзлоте”.

Такими словами описал это Варлаам Шаламов, писатель, который сам прошел Соловецкие и Колымские лагеря. Историк и биограф Н.С. Хрущева - Федор Бурлацкий назвал цифру 20млн.чел. уничтоженных ГУЛАГом НКВД СССР. Только этнические чистки в СССР составили – голдомор в Украине 8млн.чел., депортация немцев Поволжья -1,2млн.чел., 90тыс. калмыков, 70 тыс.карачаевцев, 390 тыс.чеченцев, 90 тыс.ингушей, 40 тыс. балкар, 180 тыс. крымских татар, 9 тыс. финнов и других народов.

“То, что для Германии геноцид - для России обычное дело”- так выразился один из журналистов радио “Голос России” в одной из радиопередач в августе 2012 года, оправдывая это имперскими амбициями России. У советской власти существовало много критериев для определения “врагов народа”. Тогда в ходу было выражение, приписываемое русскому писателю А. Горькому: “Если враг не сдается, его уничтожают”

“Клеймо с рожденья отмечало младенца вражеских кровей”- писал советский поэт А.Твардовский.

Михаил Мерчанский - сын сельского священнослужителя, потомственного дворянина . Его детство прошло в украинской глубинке в селе Онуфриевка , Александрійского уезда Херсонской губернии, сегодня Кировоградской области, связано с парком – усадьбой графов Толстых - известных одесских меценатов. Этот парк и сельская жизнь остались в его памяти после переезда в Елисаветград на учебу в гимназии.” Будучи в подготовительном классе, до поступления в гимназию брата Саши, я оставался один у бабушки, часто плакал в подушку, возвращаясь с летних каникул, по маме, папе, братьям и по привольной Онуфриевской деревенской жизни.”Эта фраза его воспоминаний перекликается с аналогичными воспоминаниями его знаменитого современника и земляка Л.Троцкого в его автобиографической

книге "Моя жизнь": "Но иногда деревня ярко вспыхивала в сознании тянула к себе как потерянный рай. Тогда я тосковал, слонялся, писал пальцем на стекле приветы матери и плакал в подушку". М. Мерчанский никогда не имел возможности прочитать мемуары Л.Троцкого. По окончании гимназии Михаил сумел в годы гражданской войны получить высшее образование и работал на Харьковском паровозостроительном заводе, где занимался тракторным производством. В конце 1929г и начале 1930г М. Мерчанский несколько месяцев был в командировке в Германии, подбирая оборудование для модернизации своего предприятия. На него обратило внимание ГПУ и предложило стать секретным сотрудником, стучать на сослуживцев, отказаться от своих родителей. Когда после нескольких попыток ГПУ не удалось склонить Михаила Мерчанского на свою сторону, он был арестован и обвинен в шпионаже, осужден на 8 лет лагерей с последующим поселением в Магадане. Его отец-Алексей Григорьевич Мерчанский и мать Прасковья Ивановна жили в это время в селе Онуфриевка. Отец был в статусе безработного, так как из церкви сделали клуб. У них конфисковали дом и небольшой приусадебный участок, полученный в качестве приданного Прасковьи Ивановны, которое она получила от своего дедушки Ивана Абровицкого, когда выходила замуж. В 1937 году 67-летнего Алексея Мерчанского арестовали по обвинению в подготовке к восстанию. В 1938 году суд приговорил его к смертной казни 4 октября 1938года, по архивным данным он был расстрелян в Кременчуге. В 1958 году он был посмертно реабилитирован, о чем его вдове Прасковье Ивановне выдали справку. Конфискованный дом и участок земли не вернули ни ей, ни их потомкам. Сейчас там расположена почта. Сам же Михаил с 1936г по 1955 г находился в тюрьмах, лагерях, на поселении в Магадане. Он выжил там, где сложили головы миллионы. Выжил, благодаря, силе характера. Выжил и оставил письменное свидетельство тому, чем на самом деле занималась советская власть, одурманивая народ псевдолозунгами о справедливости, равенстве и братстве, насаждая рабский труд, настоящее рабство. Сегодня появилась возможность опубликовать воспоминания Михаила Мерчанского в интернете. В одном из издательств Кременчуга небольшим тиражом издается книга ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЙДЕННОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ.

М.Мерчанский. На украинском языке. Подготовили ее к печати Виталий Постриган и Василий Сурмило, онуфриевские историки - краеведы.

Текст предисловия - Анатолий Бондаренко 6.10.2012г.

Сегодня 7го января 1974 года, в первый день Рождества Христова Я,
 на 71ом году жизни решился написать письма эти свои воспоминания,
 в приданной мне отсылочной книге. Я буду правдиво писать и при-
 украшивать письма свои, тему сам себе выберу сам и опишу сам.
 В этих своих записках не будет описаний природы, не будет описаний
 слуга. Я пишу только для себя и о себе, о своей семье. Может быть
 когда somebody случайно найдет и прочтут написанное мною все эти
 дочери и внуки и узнают о том, что пережили их отцы и бабушка и пере-
 жила в своей жизни. Я всю жизнь посвящая двадцатью годами воевала
 войнами 1905, 1914, 1914 годов и бесконечными жестокостями Гражданской
 войны после же 1917 года Царский Государственный строй.
 Чуждую свою воспоминание о своих прадедах, родных, родителей. Родни мои со
 старыми людьми тогда Алексея Григорьевича Мерлянского были обидчивыми по-
 томственными дворяне, получилими дворянство, вероятно во время царствования
 Екатерины II^{ой} Месте Нижегородца, которые позже стали почитаться уездными
 Херсонской, Екатеринославской, Закарпатской по степени окончание Закарпат-
 ния и Суворовым от турецких войск и их союзники крымские татар в войсках.
 Суворова, вероятно в каком то месте мой далекий прадед при правде В Крымскую
 войну при Николае I^{ом} участвовал в войне мой прадед Евраф Мерлянский.
 Бабушку моего Григория Еврафовича Мерлянского я знаю и хорошо по покой
 Умер мой дедушка Григорий Еврафович от рака в 1912 году в возрасте 65 лет.
 В эти время мне было 12 лет и я учился в Владимирской классической гимназии
 (учебные заведения тогда была эти дедушки и бабушки в Владимире,
 в 1918 году переименован в Зинковский, позже пострадал, который переимено-
 ванного теперь в Кировский). Бабушку мою Дмитрию Александровну Мерлянку
 (в девичестве Степановскую) я очень любил и она была доброй и баловала и
 жила я у дедушки и бабушки во время учения в гимназии, там же я начал
 обучаться 1908 года до своего окончания гимназии в мае 1917 года.
 У дедушки и бабушки была большая семья: дочери Анна и Мария, сыновья Александр, уларчик
 в Москве в школе, мой отец Алексей, мой дядя Василий, Александр, Павел, Владимир.
 Дети своей жизни дедушки Григорий Еврафович был чудесно добрым человеком.

1

Сегодня, 7 января 1974 года в первый день Рождества Христова, я на 77 году жизни решил написать эти свои воспоминания о пройденном жизненном пути. Я буду правдиво, честно без приукрашивания писать о том, чему сам был свидетелем и очевидцем. В этих моих записках не будет описаний природы, не будет литературного слога. Я пишу только для себя и о себе, о моей семье. Может быть, когда-нибудь, случайно, найдут и прочтут написанное мною мои две дочери и внуки и узнают о том, что пережил их отец и дедушка и перенес в своей жизни. А ведь первая половина двадцатого века потрясалась войнами 1905, 1914, 1941 годов и бесконечными жестокостями гражданской войны после революции в 1917 году царского государственного строя. Начинаю свои воспоминания о моих предках, родных, родителей. Предки мои со стороны моего отца Алексея Григорьевича Мерчанского были обедневшие потомственные дворяне, получившие дворянство, вероятно, во время царствования Екатерины II. Места Новороссии, которые позже стали называться губерниями Херсонской, Екатеринославской, Таврической постепенно осваивались Потемкиным и Суворовым от турецких войск и их союзников - крымских татар. В войсках Суворова, вероятно, в каком-то чине был мой далекий прапра - прадед. В Крымскую войну при Николае I ом участвовал в войне мой прадед Евграф Мерчанский. Дедушку моего, Григория Евграфовича Мерчанского, я знаю и хорошо его помню. Умер мой дедушка от рака в 1909 году в возрасте 65 лет. В это время мне было 12 лет и я учился в Елисаветградской классической гимназии. В учебное гимназическое время жил у дедушки и бабушки в Елисаветграде, в 1918 году переименованном в Зиновьевск, после расстрела которого /Зиновьева/ переименованного в Кировоград. Бабушку мою Домникию Яковлевну Мерчанскую (в девичестве Стемпковскую), я очень любил и она меня любила и баловала. И жил я у дедушки и бабушки во время учения в гимназии, начиная с конца августа 1908 года до самого окончания гимназии в мае 1917 года. У дедушки и бабушки была большая семья - дочери Любовь и Мария, сыновья - Александр, умерший в молодом возрасте, мой отец Алексей, мои дяди Василий, Дмитрий, Павел. В последние годы своей жизни дедушка Григорий Евграфович был управляющим имением землевладельца

2

Козьмы, расположенного в районе станции Знаменка Херсонской губернии Елисаветградского уезда. Предков и родителей моей матери Прасковьи Ивановны Мерчанской (в девичестве Абровицкой) я не знаю. Дедушка моей мамы Иван Абровицкий умер в старости до моего рождения в 1897 году. Отец мамы Иван Иванович Абровицкий был учителем народной школы в Онуфриевском имении графа Толстого.

Мама моя Прасковья Ивановна после смерти своего отца Ивана Ивановича была взята на воспитание своими дедушкой и бабушкой, так как мать мамы вскоре вышла замуж за Онуфриевского крестьянина Илью Соломку. Дедушка мамы Абровицкий был служащим у графов Толстых в имении с.Онуфриевка Александрийского уезда, Херсонской губернии. Мама моя родилась в 1877 году, выросла и воспитали ее дедушка и бабушка Абровицкие. В 1894 году мама вышла замуж за моего отца Алексея Григорьевича Мерчанского, которому после смерти дедушки Абровицкого перешла в наследство Онуфриевская усадьба дедушки. У мамы и папы были дети: Александр 1895 года рождения, который умер ребенком от дизентерии, я - Михаил 1897 года рождения, Александр 1900 года рождения, умер в 1918 году от воспаления легких /во время/ после попытки захватить Елисаветград бандиткой "Марусей" с целью грабежа. Николай 1903 г. р., Константин 1906г.р. и дочь Неонила 1909 г.р. В 1910 году в Онуфриевке началась холера. От холеры погибло много людей. Заболела и Нила и мама уже готовилась к ее смерти. Присланный на борьбу с холерой врач издали, не подходя к стоящей под каштаном кровати Нилы, определил холерину и предложил ставить на ноги грелки. Нила перенесла болезнь и вскоре выздоровела.

МОЕ ДЕТСТВО.

Родился я 5 сентября 1897 года по старому стилю в селе Онуфриевка, Александрийского уезда, Херсонской губернии. Папа и мама жили в усадьбе, оставленной в наследство дедушкой Абровицким. Бабушка Абровицкая умерла за несколько лет до моего рождения. Дом дедушки имел крыльцо, сени, большую кухню с ходом из сеней, большую комнату - столовую, коридор из столовой в спальню. Крыша дома была крыта камышом. Двор был большой, по которому на цепи по протянутой по верху проволоке бегал пес Бельчик. Во дворе со стороны улицы был большой сарай, также крытый камышом. При въезде с улицы были большие деревянные ворота с перекладиной по верху и украшенные на перекладине двумя большими, вырезанными из широких досок двумя львами с большими языками и длинными хвостами. Дом отстоял от улицы метрах в двух перед невысоким забором. Перед домом росли белые акации, рядом с домом с левой стороны был вместительный кирпичный сводчатый погреб, крытый по верху железом. В этом доме родился и я и мои братья и сестра. Дедушкина усадьба была площадью в одну десятину. Дедушка, будучи еще молодым, посадил сад, в котором было несколько яблонь-настоящих антоновок, одна яблоня кислица, десятка два сладких слив, белую шелковицу и один каштан конский, полученный в подарок от графа, который в парке их посадил несколько штук. Когда я родился, а дедушки Абровицкого уже не было в живых, все эти деревья были старыми и высокими.

Каштан был уже большой высоты, с огромной кроной (в 1965 году этому каштану было больше 170 лет). Под этим каштаном, уже при моих папе и маме, был устроен стол и скамьи, где летом в ясные дни мы под каштаном пили чай, обедали и ужинали. Под кроной этого каштана в одном месте была насыпана куча желтого песка, в котором я, а затем брат Саша, когда немного подрос, мы подолгу копались и возились. Мне было года три, и в первый день Пасхи наш молодой работник установил мне игрушки: несколько коров, быка, овец и собачек, а затем мы с ним катали по наклонной доске крашеные в разные цвета яички. Это мое первое воспоминание о моем детстве под каштаном, и вообще мои о себе воспоминания, чередующиеся с провалами памяти и относятся, примерно, к трехлетнему возрасту. Так, например, помню, как я залез под юбку моей молоденькой няне, которая в кухне возле стола что-то делала. Помню, как мама кормила грудью моего брата Сашу. Я стоял и смотрел на это. Мама взяла грудь от Саши и предложила мне пососать. Я не захотел и отвернулся. После этого опять некоторый провал в памяти. И опять вспоминаю себя, примерно, в 4-5 лет, когда я и Саша после сильного дождя по улице перед домом бродили босиком по воде большого ручья. Мама с детства всех летом заставляла ходить босиком. После смерти дедушки Абровицкого папа огородил всю усадьбу от соседей 2х метровым деревянным забором. Засадил три четверти усадьбы фруктовым садом: разных сортов вишнями, разными сортами груш и слив, разными сортами яблонь: скороспелками, зимними Тиролькой, антоновками, цыганкой, смородиной кремовой, черной, красной, крыжовником и малиной. За терном, посаженным еще дедушкой Абровицким, папа посадил несколько лип и елок, которые быстро и хорошо уже выросли. Помню зимнюю очень снежную ночь, в сочельник перед Рождеством, когда мне было лет 5, а Саше около 2-2,5 лет, мама одела нас тепло и в валенки, папа взял Сашу на руки, меня за руку и мы, при ярко блестящих звездах, пошли в сад за терен под елки, куда дед Мороз и заяц принесли нам с Сашей свои рождественские подарки. Потом еще помню, очевидно, через год, тоже в Сочельник перед Рождеством мама меня и Сашу одела, обула в валенки и снарядила девушку, нашу прислугу, и мы понесли "вечерю" нашей приемнице при родах мамы. (В то время в Онуфриевке акушерок не существовало). Приемницей при наших родах была баба Омельчиха, которая жила с сыном и бездетной невесткой в хате и усадьбе, которые были рядом с построенной затем графскими средствами большой 2х этажной школы. Баба Омельчиха приняла нашу "вечерю" поблагодарила маму и папу и меня с Сашей, дала нам выпить понемножку "Вареницы", наградила пряниками "Конниками" и мы пошли домой. А в это время, пока мы ходили к бабе Омельчихе, папа поставил елку и с мамой украсили ее елочными игрушками, дедом морозом и разноцветными цветами. Сколько было радости и восторга, и как хорошо пахла елка

своим елочным запахом. На следующее утро мы с Сашей, одетые в маленькие чумарки, вышли на улицу и с соседскими мальчишками и девчонками спустились с горки от нашего сарая на улицу. С мамой я и Саша ходили в гости к маминой старой знакомой бабушке Марковской, которой графская контора выплачивала в то время пенсию. Бабушка Марковская с молодых лет до старости руководила графской фермой с породистыми коровами. Жила Марковская в хате и усадьбе подаренной графиней Толстой, а потом в 1906 году снесенной для постройки большой 2х этажной школы. Бабушка Марковская до самой своей смерти получала графскую пенсию и деньги на оплату, после того как их хата была снесена для постройки школы. В нашем старом доме было светло, зимой тепло, пол был земляной, смазанный глиной, весь покрытый домоткаными коврами. Многие крестьянки хозяйки имели дома простые ткацкие станки, на которых ткали из конопляной пряжи грубое белое полотно и ковры из разноцветных тряпок, скрученных веретеном и смотанных в клубки. В каждой хате была прялка, гребни для расчесывания конопляной пряжи, веретена. Ковры нам для пола ткала невестка бабы Ошечихи. У них тоже был ткацкий станок, занимающий много места. В конце 17го и 18го веков при царицах Елизавете и Екатерине II юг Украины (теперешние Одесская, Николаевская, Херсонская, Кировоградская, Криворожская, Днепропетровская, Крымская, Симферопольская) постепенно освобождались от турецкого господства и их союзников - крымских татар. Все эти области до революции 1917 года назывались Ново-Российскими губерниями. По мере освобождения этих земель места эти заселялись помещиками и дворянами из русских областей, которые образовывали большие земельные владения в тысячи десятин. Строили деревни и переселяли в них крепостных украинцев, великороссов из русских губерний, раскольников, немцев при Екатерине II, которых Екатерина наградила землей на Волге и (ххххх) и местами в Екатеринославской губернии. В конце 17го века при императрице Елизавете была образована большая земляная крепость в виде 5ти лучевой звезды. При крепости стал строиться город Елисаветград. Позже Екатерина II наградила 8 тысячами десятин помещика Дробота, который образовал деревню Онуфриевка. Затем эти земли перешли во владение генерал - аншефа (Камбурлея), построившего каменную в греческом стиле церковь. Затем на дочери Камбурлея женился прапрадед граф Толстой. И с тех пор имение стало майоратным. Образовалась при этом деревня Камбурлеевка, в которую были поселены великороссы из России, Иванова, где были поселены крепостные крестьяне - украинцы. Граф Камбурлей, запрудив в 2х местах реку Омельник, с правой стороны впадающей в Днепр, образовал силами крепостных крестьян два больших пруда - верхний, который начинался у Павлыша и до дамбы у моста, ведущего в деревню Камбурлеевка. Ниже моста был построен винокуренный завод. Поэтому и до сих пор говорят онуфриевцы "пойду

на завод”, хотя этого завода уже нет около 100 лет. Нижний пруд начинался у Камбурлеевского моста и занимал огромную площадь длиной к селу Онуфриевка и почти до Камбурлеевки. Посреди пруда был насыпан остров. При этом графе был посажен огромный парк и небольшой фруктовый сад.

В это же время были выстроены два дома типа одноэтажных дворцовых построек. Во время моего детства в одном доме жила графская семья в летнее время, на зиму уезжающая в Одессу. Этот графский дом был сожжен в революцию в 1918 году. Второй дом занимала семья секретаря графа, когда графская семья из Одессы на лето приезжала в Онуфриевку. В настоящее время это уцелевшее здание находится под конторой Онуфриевского совхоза. Верхний и нижний пруды до 1918 года были в прекрасном состоянии, все лето с плотов очищались от мусора, водорослей. Вода была чистая, охота на водоплавающих была запрещена. Берега прудов охранялись защитными предохранительными нераспахиваемыми полосами, а от браконьеров объездчиками на летний сезон из нанятых кавказцев. Во время моего детства была дачка, устроенная графом амбулатория с аптекой и фельдшером. Два раза в неделю приезжал из Павлышской (амбулатории), тоже построенной графом, врач для личного приема больных. При отце последнего графа и при последнем графе Толстом до самой революции 1917 года парк и сад были в прекрасном состоянии. По всему парку был проведен водопровод, в напорную башню из пруда центробежным насосом от парового локомотива подавалась в водопроводные трубы вода. Все лето деревья и трава держались в отличном состоянии. Везде над дорожками росла масса разнообразных цветов. Несколько девушек постоянно поливали из шлангов траву в парке, деревья и цветы. При дворе парка были 3 теплицы, в которых круглый год цвели разнообразные цветы. Здесь же в этом дворе был одноэтажный кирпичный дом на две семьи: для садовника и для дворецкого. Садовник занимался цветами в оранжереях и парке. Дворецкий занимался надзором за графскими домами, порядком на прудах и в парке. С 1918 года пруды пришли в полное запустение. Водопровод бездействует, деревья без ухода позасыхали. Правда, при входе в парк в 1965 году была поставлена мемориальная плита с надписью о том, что этот парк является образцом парковой культуры 19го столетия. В начале 1966 года начали приводить в порядок нижний пруд. Теперь он будет намного меньше прежнего. На старом графском пруде с правой его стороны была устроена лодочная пристань для 3х лодок. Дальше зимний крытый сарай для лодок, далее деревянный плот, на котором были устроены кормушки для лебедей, которые постоянно жили и выводились в камышовых зарослях в сторону Камбурлеевки. На зиму забирали лебедей в птичник. Дальше на берегу в сторону острова устанавливался на лето локомотив, приводящий в движение центробежный насос, который из пруда подавал в водонапорную баш-

ню для поливки парка воду. Берега пруда и острова были укреплены вертикальными дубовыми бревнами и затянуты дубовыми досками. Все дорожки в парке были шириной в полтора метра и обложены по бокам кирпичом красного цвета графского кирпичного завода, устроенного у верхнего пруда, примерно, в 2х километрах от Камбурлеевского моста. Этот завод до сих пор стоит на прежнем месте, работает летом и дает отличный кирпич. С 1973 года нижний пруд, хотя и меньших размеров, чистится 2 экскаваторами, 2 бульдозерами, углубляется, берег одной стороны пруда и остров обкладываются большими бетонными плитами. С острова в прежнее графское время красивый мостик длиной в метров 20 вел в купальню, которая стояла на железных опорах и представляла собой деревянный дом с цветными стеклами в верхней части широких окон. Купальня имела два ящикообразных отделения, первое размером 5 метров в длину 2,5 в ширину при глубине ящика в 2 метра, второй ящик таких же размеров, но глубиной в 1 метр. Стороны этих ящиков деревянными решетками отделены от глубокой части пруда. В купальне по обеим сторонам были постоянные скамьи, при опускании в воду вели широкие лестнички. Купальня закрывалась внутренним замком, ключ хранился у дворецкого и выдавался, кроме служащих графа, и папе. Мы часто с папой купались в этой купальне. Каждую весну после таяния снега вся купальня красилась в белый цвет. Всегда здесь было чисто и опрятно. Дворецкий был средних лет, симпатичный человек, жил бездетным. Когда я и Саша подросли- мне 8 и Саше 5 лет, то иногда сами заходили к дворецкому и просили ключ, чтобы искупаться в купальне. Мы благодарили и бежали купаться. По дороге из Онуфриевки в Ивановку была графская усадьба для огородника, в которой он жил со своей большой семьей. Большой огород обрабатывался как огородником, так и наемными подсобниками-девушками и давал почти даром всякую огородину до спаржи включительно, всем служащим в графском имении. В начале парка, на углу которого в сторону Ивановки был большой кирпичный сарай, в котором на зиму складывались орудия по уходу за парком. Рядом, в одноэтажном доме на две квартиры жили: садовник – поляк Урбанский со своей большой семьей, во второй половине дворецкий с бездетной женой. Дальше по этой линии с большими перерывами ограждений железной решеткой на кирпичных фундаментах (которые уцелели до настоящего времени) находился дом, в котором жила графская семья, затем был опять большой перерыв с большими кирпичными воротами главного въезда к графскому дому и в парк. Дальше был дом секретаря графа. На противоположной стороне улицы на углу против площади церкви был графский дом для семьи помощника управляющего (Тугаринова). Затем на этой же линии находилась графская контора, в которой работало человек 10 главных служащих графа, и пристроенная к ней библиотека, в которой я уже с 8летнего возраста брал у помощника гл. бухгалтера Кулакова, он же

был и библиотекарем, книги Майн-Рида, Фенимора Купера и прочие приключенческие книги. Дальше по этой линии был большой длинный одноэтажный дом главного управляющего именем графа. В последнее предвоенное время 1914 года управляющим был немец Вальтер со своей семьей. Дальше с перерывом в метров 5 было устроено большое кирпичное здание общежития для наемных приезжих рабочих и объездчиков. В настоящее время вся эта сторона застроена большими зданиями и 2х этажными домами служащих и рабочих совхоза и продолжает застраиваться такими же домами в сторону верхнего пруда. За мостом верхнего пруда над прудом в сторону Камбурлеевки находился графский дом на 2 квартиры. В одной половине жил лесничий Балковский со своей бездетной женой Анной Исакиевной, в другой половине - гл. механик, ведающий механическим оборудованием всего имения. На противоположной стороне верхнего пруда был довольно большой кирпичный дом, в котором жила многочисленная семья овчарного, в ведении которого находились огромные отары высокопродуктивных овец. Овчарни располагались в разных местах имения. Ежегодную стрижку овец проводили камбурлеевцы. Кроме главных служащих имения было много и постоянных служащих: кузнецы, токари, плотники, кровельщики, маляры, воловники, кучера, ухаживающие за рабочими лошадьми и мулами, и главным кучером, обслуживающим только выездных лошадей-рысаков. Все эти графские служащие и главные и простых специальностей жили в графских домах бесплатно и всегда по самой низкой цене покупали всякую огородину и рыбу из верхнего и нижнего прудов, когда два раза в год неводом ловили там рыбу.

МОЕ УЧЕНИЕ

В 1904 году в возрасте 7 лет начал я свое учение в старой, сначала содержащейся на средства графа школе. Это было большое здание под камышовой крышей. При школе была квартира учителя. В настоящее время эта школа снесена. На этом месте в настоящее время вновь построенный Онуфриевский бытовой комбинат. В школе занятия начинались 1 сентября старого стиля, когда у крестьян кончались все работы по уборке урожая в поле и огороде. Первым моим учителем был Лозинский (мой крестный отец), которому при приеме меня в школу я принес в подарок связку бубликов. Такой был тогда обычай для каждого поступающего в первый класс (теперь приносят цветы). Этими бубликами и снабдила меня мама, отправляя меня в школу неподалеку от старого дома. Школа была 4х годичная. Все занятия в школе вел один учитель. Буквари, грифельные доски, ручки, карандаши выдавались учителем бесплатно. В одно и то же время в общем

классе одни учились читать, другие старшие занимались арифметикой, третьи громко читали, четвертые писали диктант под диктовку учителя. Преподавание велось на русском языке. Учитель Лозинский был уже пожилым человеком и в год моего поступления в школу умер. В середине этого 1904 года Онуфриевская школа перешла в ведение Александрийского земства. В школу был назначен учителем Ив. Ив. Григор и в помощь ему учительница Елена Флоровна. В этом же году началась графом М.М.Толстым постройка большой 2х этажной кирпичной школы, которая стройкой продолжалась до 1909 года. Эта школа существует в Онуфриевке и теперь. В этой школе я не учился, т.к. в августе 1909 года поступил в подготовительный класс Елисаветградской гимназии. Брат Саша учился еще год в старой школе, а затем остальные братья и сестра учились во вновь построенной школе. Перед поступлением в гимназию я летом 1909 года подготавливался к поступлению в 1й класс учителем Ив. Ив. Григором, но на экзамене провалился, так как был очень застенчив, и поступил в подготовительный класс по просьбе папы у директора гимназии. В настоящее время эта гимназия упразднена и в ее здании помещается офицерский клуб. Здание гимназии было 2х этажным. На 2ом этаже находилась в одном конце квартира директора гимназии, в противоположном конце коридора квартира инспектора гимназии. Со стороны квартиры директора посреди 2х этажного здания была большая домовая гимназическая церковь. Во время выпускных экзаменов 8класса на аттестат зрелости алтарная часть церкви отгораживалась сплошной разборной дощатой стеной. В оставшейся части церкви устанавливались столики со стульями на довольно порядочном расстоянии друг от друга, чтобы не было у абитуриентов подсказок и переписки между собой и передачи шпаргалок. Экзамены на аттестат зрелости обставлялись особенно торжественно. Директор приносил запечатанный 5ю сургучными печатями конверт, полученный за день из Одесского учебного округа, распечатывал его на глазах абитуриентов и преподавателей и зачитывал темы, на которые надо писать или сочинения или математические задачи. Так было по 1915 год. Каждому абитуриенту в торжественной обстановке вручался аттестат зрелости. Абитуриент с наилучшими на экзамене результатами торжественно награждался золотой медалью и выучившись хорошо владеть латинским языком, обращался на этом языке к директору, инспектору и всем преподавателям с небольшой благодарственной речью. Рядом с церковным помещением был расположен подготовительный класс, который вел Сила Силыч, добрейшей души старичок. Напротив подготовительного класса был вместительный физический кабинет, в который с 1го этажа приходили на уроки физики, если надо было проводить некоторые опыты. Рядом с подготовительным классом находился кабинет природоведения, куда тоже приходили с 1го этажа на уроки природоведения, там в отдельном закрытом квадратном шкафчике находился че-

ловеческий скелет, скелеты некоторых небольших животных, коллекции бабочек, жуков, гербарий и прочее, что проходило по учебнику природоведения на этом уроке. Учебный год в гимназии делился на 4 четверти. Рождественские каникулы с 22-23 декабря по 6 января ст. стилия. Пасхальные каникулы были также двухнедельными с начала вербной субботы и до 6 дня пасхи. Занятия в гимназии начинались 25-26 августа ст. стилия и длились в младших классах до конца мая. Начиная с 5го и до 7го классов, экзамены переходные затягивались до середины июня. Экзамены на аттестат зрелости доходили до конца июля. В Елисаветграде, я, учась, жил у бабушки и дедушки. На рождественские и пасхальные каникулы уезжал в Онуфриевку к папе и маме. То же самое было и у брата Саши. Будучи в подготовительном классе, до поступления в гимназию брата Саши, я оставаясь один у бабушки, часто плакал в подушку, возвращаясь с летних, рождественских и пасхальных каникул, по маме, папе, братьям и по привольной Онуфриевской деревенской жизни. Будучи в подготовительном классе, я сначала через бабушкин забор познакомился с двумя девочками – соседками, перелез потом через забор и играл с ними в жмурки, потом возились с куклами. В 1904 году к бабушке Марковской приехала в Онуфриевку ее вдовья дочь Екатерина Романовна Васильчевская с детьми: мальчиком Юзей, старше меня и Саши, дочерью Мальвиной, старше меня года на два и мальчика Владика, одних лет со мной и Сашей. Юзя с нами не играл, т.к. считал себя недостойным играть с малышами и завел дружбу с более взрослыми мальчишками. Мальвины я стеснялся, так как меня называли ее женихом. С Владей я и Саша очень дружили. Он всегда прибежал к нам играть. Папа мой был псаломщиком в Онуфриевской церкви до 1912 года. В 1908 году папа построил большой высокий сарай под камышовой крышей. В сарае было 3 отделения – одно для курей, уток, индюков, гусей; второе для коров и свиней, а большое третье – с подвалом чистое, где были весы, шеретовка, веялка, какая-то мельница, молотилка с соломотрясом. Снаружи сарая был конный привод на 4 вирла, куда впрягали по 2 лошади на каждое вирло, которые приводили в движение то мельницу, то шеретовку. Стояла в нерабочее время в том сарае молотарка с соломотрясой. Так все эти вирла конного привода мне, Саше, Владе, а затем Коле, когда за нами никто не наблюдал, доставляло огромное удовольствие разгонять на холостом ходу и согнувшись кататься на них. Затем, накатавшись, мы бежали к маме и просились у нее пустить нас купаться в крестьянский пруд, объединенный с общим графским прудом. Начиная с выгона перед прудом, мы на ходу сбрасывали рубашки и штанишки и бросались с разгона в воду. Накупавшись в пруде, начинали ловить руками раков и иногда при удаче ловили до 50-60 штук. Летом утром, как только просыпались я и Саша, то сразу мчались изо всех сил под яблони-скороспелки, собирали опавшие за ночь и тут же их ели. В зимние Рождественские каникулы я в

саду, обзавевшись в Елисаветграде сеткой тайнаком ловил синиц, щеглов, снегирей и, обзавевшись большой клеткой, садил их в клетку и мама кормила их всех до моих Пасхальных каникул. Всех этих птичек на Благовещение выпускали на волю. Возвращался я в Елисаветград после каникул поездом сам со станции Павлыш. Папа покупал мне билет и садил в поезд. В это время мы уже жили в новом доме, который папа начал строить в 1908 году и в котором в настоящее время после национализации папиного имущества помещается Онуфриевская почта и телеграфное отделение с 1919 года. У нас, когда я только начинал учиться в начальной Онуфриевской школе, было много знакомых у папы и мамы: служащие графского имения, учитель и учительница школы. Часто кто-нибудь из них посещал папу и маму. Мужчины по вечерам допоздна играли в преферанс. Мама часто угощала гостей ужином. Я ревел и звал маму, потому что у меня не решалась задача по арифметике. На Рождественские и Пасхальные праздники мама устраивала большой праздничный стол. На Рождество была кутя, узвар, копченый окорок, разные печенья, соленья, маринования. На Пасху пеклась пасха для всех членов семьи и прислуге по одной каждому, сырны пасхи 3х сортов, окорок копченый, окорок жареный холодный нашпигованный луком и чесноком, поросенок жареный, сельдь дунайская от Крюковского русского купца Поддеригина, там же папа брал и настоящую ваниль в стеклянной трубочке для пасхального теста, торты домашнего приготовления, печенье и прочее прочее. Мне уже было 8 лет и я знал про русско-японскую войну и начало революционных событий 1905 года. Однажды вечером 1905 года у нас были гости, мужчины играли в преферанс. Мне надо было выйти по своим делам во двор, Вышел и увидел большое зарево в сторону деревни Ланговки. Я позвал папу, вышли гости и увидели начало поджогов имений и домов помещиков и простых землевладельцев. В это время в Онуфриевское имение графа Толстого был введен драгунский полк. И мы мальчишки часто ходили на Ярмарочную площадь (теперь она от бывшей церкви и до бывшей ветеринарной графской лечебницы засажена уже большими елками и деревьями) смотреть, как на лошадях драгуны на всем скаку рубили поставленную лозу. В Онуфриевском имении графа Толстого в 1905 году никакого ущерба не было нанесено. А затем в Онуфриевке драгуны начали расправляться с мятежниками и грабителями. В Камбурлеевке кацапы порезали много овец, и особенно много дорогих племенных заграничных баранов. Всех виновных в этом привезли в Онуфриевку, ложили на землю против волостного правления и солдаты-драгуны лупили их по заду, так что потом некоторые после порки могли лезть только на карачках. Этим кончилось преследование этих мятежников, я это сам видел. И еще запомнилось о 1905 годе. В волостное правление собралось несколько десятков онуфриевских крестьян, очевидно, для того, что теперь называется митингами. Наш

дом, все еще старый, а не новый, был расположен напротив волостного правления. Об этом митинге, очевидно, узнало начальство драгунского полка и митингующие, вырвав окно в задней стене волостного правления, начали через проем окна выпрыгивать и бежать через дорогу в наши ворота и через сад разбегаться в разные стороны. Папа мой стал около фортки и давал бежать людям. За этот папин поступок пришлось расплачиваться. Драгунский офицер и несколько солдат в нашем старом доме произвели большой обыск. Папу хотели арестовать за будто бы помощь революционерам. Но затем драгунский полковник отпустил папу, пощадив его из-за нас - детей. Следующие за 1905 годом в Онуфриевке было спокойно. Драгунский полк в 1906 году из Онуфриевки ушел.

1908 ГОД

Елисаветград, в год моего поступления в подготовительный класс был уездным городом Херсонской губернии. В год моего поступления в гимназию в Елисаветграде были следующие училища: мужская 8классная классическая гимназия, реальное 8 классное училище, духовное училище, коммерческое училище, женская казенная гимназия, женская частная гимназия, городское 4х классное училище и несколько начальных, а также закрытое кавалерийское юнкерское училище, в которое поступали богатые юноши после получения среднего образования. Училище располагалось в 2хбольших 3х этажных зданиях., которые назывались Елизаветинскими дворцами и находились в конце улицы, которая называлась Дворцовой. Напротив дворцов был большой огороженный плац, на котором юнкера упражнялись в верховой езде. В Елисаветграде до моего приезда уже работал большой завод сельскохозяйственных машин англичанина Эльворта, теперь Красная Заря (Звезда). Несколько мелких сельскохозяйственных заводиков, большая мастерская по изготовлению бричек, фургонов, дрожек. На весь город в 1908 году был только один автомобиль, принадлежащий богатому еврею, купцу оптовому мануфактурой. В 1908 году в Елисаветграде был электрический трамвай, принадлежащий бельгийскому обществу. Одна линия трамвая шла от вокзала мимо реального училища, по Дворцовой улице, Перспективной, мимо окружного суда к пивоваренному заводу Зельцер, в летнее время продолжавшаяся до городского сада над рекой Ингул. Вторая линия пересекала под прямым углом первую линию и шла по Успенской улице.

Трамвайные линии были одноколейными с устроенными разъездами. Разъезды были на довольно продолжительном расстоянии друг от друга. Приходилось поджидать встречного трамвая на разъезде, а затем ехать своим трамваем дальше. Вагонный трамвай имел переднее

отделение, в котором помещался вагоновожатый с тормозной установкой и ручным колоколом, в который звонил, предупреждая посторонних пешеходов. Пассажирское отделение было с двумя вдоль вагона продольными удобными скамейками. Здесь находился и кондуктор, выдававший билеты. Проездной билет из конца в конец для учащихся стоил 3 копейки, а для всех остальных 5 копеек. Вход в трамвай был с задней площадки, выход через площадку вагоновожатого. Вагоновожатый и кондуктор были в выдаваемой фирмой форме для летнего и зимнего времени. В летнее время к моторному вагону присоединялся вагон с открытыми скамьями для сидения и матерчатыми занавесями от солнца. В установленных местах были стоянки извозчиков одноконных бричек и отдельно для дорогих фаэтонов с рысистыми лошадьми и роскошными кучерами. На этих фаэтонах по субботам разъезжали, обычно, молодые богатые юнкера, когда их на один день выпускали из училища. Была в 1909 году в Елисаветграде и водопроводная линия с напорной башней в нагорной части города в начале Перспективной улицы. Водопровод был только в домах, расположенных на главных улицах города. Остальные жители снабжались водой водовозами, которые возили воду в больших 60 ведерных бочонках на пароконной подводе. Водовозы набирали воду у раздаточной водопроводной будки, находящейся на Сенной площади. Был в 1908 году в городе частновладельческий биоскоп, так в то время называлось кино. Шли коротенькие фильмы французского производства под акомпанимент пианино. Был ипподром, на котором в начале лета и осенью проводились скачки и бега. Был и тотализатор. На ипподроме в конце августа 1908 года была устроена сельскохозяйственная выставка, где показывали лучших животных, разные образцы сельскохозяйственных машин и все лучшее, что изготовлялось на заводах и мастерских Елисаветграда. Я был на этой выставке с моим дедушкой Григорием Евграфовичем и впервые мы с ним видели, как с поля, рядом с ипподромом поднялся в воздух аэроплан с летчиком Уточкинским и , пролетев невысоко над землей всего метров 200, опустился на землю. В городе было 2 больницы. Одна расположена в крепости, вторая - у железнодорожного вокзала. При этих больницах был бесплатный прием проходящих больных. В основном, медицинская помощь заболевшим оказывалась частно практикующими врачами-евреями терапевтами и зубными. В начале Дворцовой улицы на небольшом сквере находилось театральное здание. Спектакли ставились приезжими театральными труппами русскими и украинскими, а иногда и столичными. В театр гимназисты ходили только на спектакли, разрешенные гимназическим начальством. Приезжал, временами, частновладельческий цирк. В Елисаветграде было очень много разных магазинов, как на главных улицах города, так и на 2х базарных площадях. Магазины принадлежали, главным образом, евреям, но было и несколько русских владельцев. Были богатые мануфактурные,

бакалейные, гастрономические, фруктовые, хлебные, кондитерские, молочные магазины. Были кафе, закусочные и прочие магазины и киоски. Особенно, славилось на весь город и уезд бубличное заведение, принадлежащее русскому купцу и помещавшееся у моста через реку Ингул рядом с магазином огнестрельного оружия. На 2х базарах так же было много магазинов бакалейных, мясных. В магазинах всегда все было как отечественного, так и заграничного производства. Очередей за покупками никогда не бывало. На небольшом городском садике, на углу Дворцовой и Перспективной улиц (теперь садик уничтожен и заасфальтирован) напротив каланчи находился ларек продавца Сени, который с весны до осени торговал распивочно замечательными хлебным и клюквенными холодными квасами. В городе было 2 гостиницы. В большой гостинице на Дворцовой улице были более дорогие номера. На первом этаже этой гостиницы был первоклассный ресторан, обслуживаемый официантами, в основном, татарами. В Елисаветграде был соборный храм, греческая церковь, в которую ходила бабушка, старообрядческая церковь, кладбищенская, римско-католическая, лютеранская и приходская православная близ железной дороги в сторону станции Знаменка.

О ГИМНАЗИИ, о порядках в гимназии, об учителях.

Мужская гимназия находилась на Преображенской улице, параллельной Дворцовой, в одном квартале вверх от нее. Это было большое 2х этажное здание, расположенное в большом садике, отгороженном от улицы. За зданием гимназии был большой двор, на который в летнее и весеннее время во время большой перемены выпускали гимназистов для разных игр учеников старших классов и для беготни малышей-приготовишек и первоклассников. В зимнее время большая площадь этого двора заливалась водой и образовывался каток, на который сходились в предвечернее время кататься на коньках гимназисты разных классов. За этим гимназическим двором была большая площадь, занятая казармами пехотного полка и большая площадь, на которой проводились учения солдат построениям, маршировке ротами, полком, штыковому бою. В 1м этаже здания гимназии был вход через парадную дверь в большую приемную, в которой под застекленной рамкой, висевшей на комодке, были образцы суконной материи, из которой должны были шиться формы верхней одежды. Учебная форма каждодневного употребления состояла из куртки и брюк светло серого цвета, фуражки зимой и летом синего цвета с голубым кантом и металлической белой кокардой с буквами "ЕКГ". Куртка опоясывалась поясом с никелированной бляхой, на которой тоже были выштампованы буквы "ЕКГ". Кроме каждодневной формы был и парадный мундир из синего сукна с рядом в 10 штук никелированных металлических пуговиц и стоячим воротником, обрамленным серебристой каймой. В этой

передней находился швейцар в форменной одежде, который кроме порядка и чистоты в передней наблюдал за часами и звонил в большой колокольчик о начале и конце уроков. Урок длился 50 минут. В этом помещении находилась и вешалка для учителей гимназии и дверь в учительскую. Все учителя гимназии, директор, инспектор и надзиратели шили также рабочую и парадную формы. На лацканах воротников были защитные звездочки, показывающие гражданский чин данного учителя и фуражки их тоже были форменными. Исключением был только преподаватель немецкого языка пастор лютеранской церкви Бек, учитель французского языка французский подданный Фурнье и наш гимназический священник. Каждый гимназист, начиная с подготовительного класса и до последнего 8го, имел всегда с собой ученический билет, в котором были перечислены правила поведения ученика в классе и на улице и в общественных местах до 8 часов вечера. После 8 вечера не разрешалось гимназистам быть на улице. Из парадной швейцарской широкая мраморная лестница вела во 2й этаж и вторая дверь в длинный через весь первый этаж полутораметровый коридор, к которому примыкали боковые коридорчики, с находящимися вешалками для шинелей, фуражек, галош. В конце коридора был вход в теплый ватерклозет. В начале каждого коридорчика по бокам было по два классных помещения. В первом этаже было 8 классных помещений и в конце длинного коридора помещение, в котором в большую перемену жена одного из служителей продавала чай, горячие сосиски, булочки, молоко, бублики. Сюда приходили в большую перемену и прислуги – девушки и приносили еду гимназистам из богатых семей. Был в коридоре в противоположном конце и небольшой темный карцер. За все мое пребывание в карцере никто не сидел. После уроков до войны 1914 года все классы убирались служителями-мужчинами. Во время летнего отпускного времени с июля и по начало августа классные помещения белились, печи чистились, полы и окна красились в белый цвет. В каждом классе помещалось 32-35 человек. В подготовительном классе были 4 урока, в остальных 5-6. В войну 1914 года женская казенная гимназия была превращена в лазарет для раненных военных, гимназистки были переведены в мужскую гимназию и занимались в ней в первую смену до 2х часов дня. Все гимназисты были переведены во вторую смену и занятия продолжались с 3х часов дня до 9 вечера.

1908- 1917 ГОДЫ. В ГИМНАЗИИ, ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.

В 1908 году в августе я поступил в подготовительный класс. В конце года перешел в первый. Начиная с этого и до последнего был у нас один классный наставник – учитель русского языка и русской литературы. В первом классе предметами были: русский язык, чистописание, арифметика, Закон божий, начало русской истории, гимнастика,

уроки танцев. Я был принят петь дисконтом в церковный хор. Хором руководил регент и в то же время надзиратель на переменах, когда по коридору бегали и шумели младшие ученики и которых приходилось умирять. В Елисаветградской гимназии в 1908 году греческий язык уже не преподавался. С каждым годом, переходя из класса в класс, количество преподаваемых предметов и языков французского, немецкого, латинского все увеличивалось. В третьем классе я из-за плохих успехов по геометрии и алгебре был оставлен на второй год. Писались сочинения на заданные темы. В 8м выпускном классе, кроме всех прочих предметов добавились философская преподаватика и законоведение. За все время моего пребывания в гимназии учителя были одни и те же. Только в 1910 году из-за смерти учителя латинского языка Дубнякова был из Одесского учебного округа прислан новый молодой учитель. В этом же году был заменен учитель французского языка, так как он был бесхарактерным человеком в классе подымался такой шум, с которым этот учитель не мог справиться и приходилось прибегать к нему на помощь инспектору, а иногда и директору гимназии. В 1914 году был снят с работы преподаватель немецкого языка пастор Бек, и прислан учебным округом новый учитель немецкого языка из прибалтийских немцев Клюд. В этом же году ушел из гимназии священник-академик духовной академии, который после смерти жены ушел в монахи Почаевской Лавры. Место его занял присланный Херсонской Епархией новый священник-академик, который был и учителем и священником домового гимназической церкви до самой большевистской революции 1917 года. Очень плохое воспоминание об учителе – греке Пичахча, злом и неприятном человеке, невероятном аккуратисте и формалисте. За маленькие дефекты в тетрадках или плохо приклеенной ленточкой и промокательного листка ставившего всегда двойку. Всеми очень любимым был учитель русской древней и средневековой истории преподаватель Улезько. В домового гимназической церкви были богослужения вечерни и обедни по субботам, воскресеньям во все двух и девятые праздники и именины царя Николая 2го 6 декабря старого стиля. На служения в нашу церковь приводились классами гимназистки казенной женской гимназии. Во время службы пел хорошо слаженный и хорошо регентом управляемый гимназический хор. Раз в год, обычно, в середине зимы устраивался в помещении дворянского собрания гимназический бал с танцами, приглашались гимназистки, играл струнный гимназический оркестр. Некоторые гимназисты старших классов выступали с сольным пением и декламацией. За все время моего учения в гимназии не было ни гимназического учения после обеда в гимназической церкви мы мальчишки по классу после обеда собирались человек по 10-12 и шли играть на высокие крепостные валы. Играли в индейцев или в сражения русских с турками. Во время учения я жил в собственном дедушки и бабушки доме на Сенной улице ,125. Это была предпоследняя улица перед

крепостью. В 1910 году в подготовительный класс гимназии поступил мой брат Саша. В летние мои и брата Саши каникулы папа и мама получили письмо от бабушки о тяжелой болезни дедушки Григория Евграфовича. Мама и папа уехали в Елисаветград, но там застали дедушку уже умершим, очевидно, от рака желудка в 1910 г. Мы, дети, оставались дома под надзором домашней прислуги. Дедушка был похоронен на Быковском городском кладбище. Был на могиле поставлен памятник. На этом кладбище был похоронен и мой брат Саша осенью 1917 года. Саша заболел воспалением легких, перешедшим в менингит. Быковское кладбище в 1920 году по распоряжению Елисаветградского партийного комитета уничтожено со всеми своими памятниками, кладбищенской церковью, ограждениями могил и засажено молодыми деревцами. Дедушку Григория Евграфовича и бабушку Домникию Яковлевну я хорошо помню и по большим карандашным портретам, которые висели над кроватью, где папа после обеда иногда отдыхал. В 1912 году папа был рукоположен в священники и назначен вторым священником в местечко Красную Каменку Александрийского уезда, Херсонской губернии. В Онуфриевке новый дом, начатый папой в 1908 году и оконченный в 1911 г., папа сдал в аренду почтово - телеграфному ведомству. Вся наша семья осенью 1912 года переехала в Кр.Каменку. До 1912 года я уезжал после каникул в Елисаветград поездом от станции Павлыш. В 1911 году впервые со мной в гимназию с этой станции поехал и брат Саша. По приезду в Елисаветград нанимали одноконную пролетку и извозчик привозил нас к бабушке на Сенную, 125. С осени 1912 года из Кр. Каменки в гимназию я и Саша ездили со станции Счастливая железной дороги Одесса-Екатеринославль. Кр.Каменка в 1912 году была большим украинским селом, не знавшим крепостного права. Население Кр.Каменки составляло около 8 тысяч человек. Церковный дом, в котором поселилась наша семья, был довольно большой, но при небольшом дворовом участке. Священникам полагались в 9 км от села участки земли по 25 десятин. Настоятель церкви свою землю сдавал в аренду крестьянам. Полагающиеся папе 25 десятин засеивали зерновыми культурами, кукурузой, подсолнечниками своими средствами при помощи 2х пар лошадей, своим сельскохозяйственным инвентарем и нанятым годовым работником. Было 4 коровы, 6 свиней, много разной птицы. В балке 25 десятинного участка была большая площадь под сенокосным угодьем, а низкая часть балки была разорана и на ней мама садила всю огородину. Земля была очень плодородная и все там очень хорошо родило. Там же на взгорье был и хороший баштан с кавунами, дынями, кабачками. На сезон нанимался дед, стороживший баштан. Огородина и баштан засаживались годовой девушкой-прислугой и двумя женщинами или девушками, нанимаемыми временно в помощь постоянной прислуге. Мама в палисаднике при доме в 1913 году завела пасеку в 20 ульев. Два раза до 1916 года был большой медосбор. В Кр. Камен-

ке была большая вместительная церковь с 2 священниками, двумя псаломщиками и хорошим церковным хором. В 1924 году церковь была разрушена, колокола сброшены с колокольни и увезены на переплавку. Была большая министерская 5 классная школа, с заведующим школой и двумя учительницами. Мой папа в этой школе вел урок Закона Божьего. Было две школы с заведующим и по две учительницы. При одной земской школе была столярная мастерская и мастер, учивший желающих учеников столярному делу. Была одна церковно-приходская школа с одним учителем. Была земская школа на 6 коек с врачом и двумя фельдшерами, аптекой и одной акушеркой. Был один вольнопрактикующий фельдшер Прокопенко, очень опытный фельдшер. Было около десятка магазинов, принадлежащих евреям, и одна лавка, принадлежащая русскому купцу. Был большой магазин бакалейный, принадлежащий кооперации. Была одна мукомольная мельница с маслобойней, принадлежащая купцу-еврею Грановскому. Мельница и маслобойня приводились в движение газогенераторным двигателем, приводящим в движение и динамомашину для освещения эл. лампами мельничного помещения, маслобойки, квартиры Грановского и дворового участка. Была одна еврейская синагога, еврейская школа-хедер, еврейская баня на лугу. Была земская конная станция с разъездными лошадьми, кучером и рессорной бричкой. Александровское земство с торгов сдавало эту земскую конную станцию зажиточным крестьянам для срочных перевозок, по служебным делам своих работников. В Онуфриевке до 1912 года начальство состояло из выборного старшины, старосты и понятых, выбираемых на общей волостной сходке из своих односельчан, наезжающего из Павлыша станового пристава, приезжающего раз в месяц мирового судьи для разборки всяких мелких ссор, и, приезжающего на волостные крестьянские сборы земского начальника. В Кр.Каменке, кроме старшины, старосты, рассыльных был один урядник с маленькой холодной, куда садили провинившегося на хлеб и воду за разные мелкие хулиганские поступки. До 1918 года, насколько я помню и знаю, не было ни в Онуфриевке, ни в Кр.Каменке никогда никаких убийств, а если с кем-либо вдали это убийство происходило, то это вызывало бесконечные разговоры и пересуды. Кр.Каменский сельскохозяйственный кооператив сдавал в аренду сельскохозяйственные машины на нужный крестьянину срок, ссыпные пункты для сдаваемого на время зерна до повышения цен на зерно, был и случной пункт для лошадей и коров. Поселившись в 1912 году в Кр.Каменке, папа и мама, как и в Онуфриевке, были гостеприимными и хлебосольными людьми. У нас постоянно на вечерах были в гостях учителя, учительницы, псаломщики, фельдшера. Часто заходил в гости земский врач Кабузан. Всегда было вечернее угощение гостей чаем, вареньем, медом, а осенью и зимой осенними и зимними яблоками "Тиролька", которые всегда в Онуфриевке хорошо родили. Их было много и они хорошо сохраня-

лись всю зиму и весну. В 1913 году поступил в гимназию брат Коля, а затем на короткое время (до 1918 года) Костя, и Нила в частную женскую гимназию. В 1914 году началась 1ая мировая война, продолжавшаяся до октябрьской революции 1917 года.

Летом 1914 года я поехал в Онуфриевку в наш сад и при мне началась мобилизация в армию. Я видел мобилизованных, едущих на подводах на станцию Павлыш. В 1915 году папа купил мне велосипед в Елисаветграде фирмы Энфильд и К. До этого времени в 1913 и 1914 годах я научился кататься на велосипеде, который брал напрокат в частной ремонтной мастерской, учился кататься за городом на площади перед казенным садом. В Красной Каменке я уже хорошо ездил на велосипеде и раз даже катал девушку Сою Цариненко (епархалку, сестру жены священника села Хорошево в 10 км от Кр.Каменки). Сося сидела на раме у руля велосипеда, на повороте улицы я неудачно повернул и она начала падать, я подхватил Сою и она обняла меня за шею. Этим у нас и кончилось это приключение. Я был тогда очень застенчивым юношей. В дореволюционное время в школе работали молоденькие, окончившие женскую гимназию учительницы. Мне в это время было 16 лет, и молоденькая учительница Аня Ракуленко научила меня с ней целоваться, а до этого я был очень скромным застенчивым мальчиком. После этого у меня была молоденькая гимназистка Шура Резниченко, которую уже я научил целоваться. Вообще, в Кр. Каменке было несколько учащихся в гимназиях и еврейских мальчиков, учившихся в среднем коммерческом училище. В 1916 году на охоте на перепелов вблизи Кр.Каменки, имея чужое плохое 2х ствольное ружье, заряженное мелкой дробью на перепелов, идя по полю, я попал ногой в ботинке в засохший куст перекатиполя. Чтобы освободить ногу от колючек, я оперся о верх ствола ружья, курок спустился, раздался выстрел рядом с моей головой. Дробь попала в верхнюю правую часть груди, оторвал две фаланги большого правого пальца, одну фалангу указательного. Я после этого сам, истекая кровью, добежал до больницы, прибежала женщина-врач и сделала мне первую перевязку. Мама, напуганная происшедшим, быстро повезла меня в Александрийскую земскую больницу, где мне отрезали большой палец, половину фаланги указательного пальца, повынимали из груди и раненных пальцев насколько могли дробинки, сделали перевязку. В больнице я пробыл 4 дня. Вернулся домой и перевязки начал делать опытный фельдшер Прокопенко. К началу занятий в гимназии я по приезду в Елисаветград ходил на перевязки в больницу. По затягиванию ран я получил разрешение поехать в Киев, где в ортопедической частной мастерской мне пристроили протез на большой палец и на часть указательного. Все это было устроено неудобно и пришлось мне учиться писать таким способом, каким пишу и теперь. С началом войны 1914 года, когда гимназисток перевели в первую смену мужской гимназии, все это привело к более близкому знакомству с ними. Гим-

назистке Клаве Слеппе я нравился и она устроила меня в семью своих знакомых репетитором к их сыну-гимназисту 2го класса. Так я стал сам зарабатывать небольшие деньги на свои мелкие расходы. Со всеми девушками: учительницами, гимназистками у меня ни с кем не было физической плотской близости. На свой заработок я купил себе часы (платили мне за репетиторство их сына 29 р.месяц). Ходили компанией после последнего урока в цирк, заходили днем к квасовщику Сене пить холодный клюквенный квас, есть различное мороженое, которое в небольшом частном садике, окрашенном известью, организовала жена Сени. Война продолжалась со все большим ожесточением. Армия Самсонова была разбита в болотах Восточной Пруссии, немцы наступали в Польше, большое количество беженцев все больше поступало на юг Украины. Много поляков-гимназистов прибавилось к нам в 7ой класс. Начались правительственные неурядицы, частые смены министров. Множество молодых офицеров гибло в армии. Министр народного просвещения граф Игнатъев отменил экзамены на аттестат зрелости и предложил желающим досрочно получать документы и поступать в военные училища. Несколько человек нашего 8го класса ушли в эти училища. Весной 1917 года пал царский строй. Образовалось временное правительство во главе с на Керенским. Царь отрекся от престола в пользу своего брата Великого князя Михаила. Последний отказался принять предложенный ему престол. На фронте все больше и больше началась агитация за окончание войны. Все выступления Керенского ничего уже не могли сделать. Я на военную службу, как при Временном правительстве, так затем и в Октябрьскую революцию из-за отсутствия пальцев правой руки не принимался. В аттестате зрелости, выданном в конце 8го класса, была сделана отметка, что экзамены по распоряжению министра Игнатъева отменены. В августе 1917 года я подал заявление на экзамены в Московский институт путей сообщения. Но началась большевистская гражданская война между белыми и красными войсками. В Москве, где я в это время был для поступления в институт, занятия и экзамены из-за непрерывной стрельбы были прерваны. Институт был закрыт. Я вернулся из Москвы в Кр.Каменку. Дома я уже не застал Сашу в живых. На Украине (по причине) бежавших из армии с оружием в руках развелось большое количество всяких больших и малых банд. Главной бандой руководил анархистствующий бандит Махно. А в Александрии большой отряд бандитов Григорьева. Также была масса всяких мелких бандитских шаек. Эти бандитские шайки начали грабежи, убийства евреев и русских, погромы. Евреи начали поспешно покидать Кр.Каменку и другие деревни. В мирные довоенные годы я ездил в Елисаветградскую гимназию со станции Счастливая и в эти Рождественские и Пасхальные каникулы часто встречал Александрийскую гимназистку Евдокию Коломойцеву. Мы не были знакомы. На станцию привозил ее отец, они жили на хуторе у села Боголюбовка. Отец Дуси был хорошим хозяи-

ном. Осенью 1917 года Евдокия Ивановна Коломойцева после окончания Александрийской женской гимназии поступила работать учительницей в только организованную при волостном правлении школу-филиал из 2х первых классов Министерской школы. Работали там две учительницы. Здесь, возвратясь осенью 1917 года из Москвы, я и познакомился с Евдокией Коломойцевой. Мы быстро сдружились и полюбили друг друга. В начале 1918 года бандиты проходящей шайки убили отца Дуси и еще нескольких соседей - состоятельных землевладельцев. В 1918 году немецкие воинские части оккупировали Польшу, Литву, Эстонию, Латвию и Харьков, вплоть до Белгорода. Но это продолжалось недолго. Австрийские войска, занявшие юг Украины и Кр.Каменку, под страхом смертной казни приказали снести на выгон за деревней все огнестрельное и холодное оружие. Деревня была окружена со всех сторон войсками австрийцев. Многие из бежавших с фронта русских солдат все-таки часть оружия попрятали. Опять понаделали обрезов. В мае 1918 года началось наступление с юга белых воинских офицерских и казачьих войск, которые быстро под командованием Деникина и Шкуро. завоевали всю Украину, освободив Украину и от украинских войск Петлюры, с которым большевистское правительство установило границу южнее Белгорода. На юге Украины образовалось русское правительство во главе с генералом Деникиным. Я подал заявление на поступление в Харьковский технологический институт на механическое отделение. Все лето 1918 г. я подготавливался к экзаменам в институт. Держал экзамены и получил по всем предметам (алгебра, геометрия, тригонометрия) пятерки В немецких и австрийских войсках осенью 1918 года начался распад воинской дисциплины, большевистской агитацией за окончание войны, возвращение на родину. Солдаты стали бросать оружие и разными способами пробираться на родину. Освобождающиеся от немецких, австрийских войск города и деревни занимали петлюровские воинские части. Опять началось наступление красных войск. Белые части теперь отступали, оставили Харьков и снова Технологический институт был закрыт из-за военного времени. Я возвратился вновь в Кр.Каменку. На Украине начался голод. Огромные массы беспризорных мальчишек и девчонок наводнили села и города. Сам видел, как беспризорные, поймав кошку, содрали шкуру, зажарили ее на костре у Ивановского моста и с жадностью ели ее. Голодала вся Украина, а тут как раз началось наступление под командованием Буденного красных частей на Польшу, где в это время премьером был Пилсудский. Странная это была армия Буденного, остановившаяся на короткое время в Кр.Каменке. Кого здесь только не было: матросы верхом на лошадях. Матрос, просто, грабитель, реквизиравший мой велосипед без единой шины, перерывший мамин комод, забравший отрез суконный мне на брюки, доставшийся мне с таким трудом. Когда я запротестовал, этот матрос, угрожая обрезом, повел меня-студента на рас-

стрел, как контрика. На мое счастье, около церкви я встретил его командира и рассказал ему о происшедшем. Он приказал матросу отпустить меня, а сам матрос, обвешанный пулеметными лентами, поехал кое-как на моем неисправном велосипеде, так и не отдав сукно на мои брюки. Ночью вызвали папу в , так называемый , штаб и , избивая, требовали золотых монет. У папы их никогда не было, т.к. все деньги шли в Елисаветград на содержание детей. Через некоторое короткое время эта Буденновская армия с помощью союзной Польше Франции была совершенно разбита и в спешке возвращалась обратно, но не через Кр.Каменку. Армия принесла с собой сыпной тиф. У нас все в доме переболели сыпным тифом, кроме Кости. Проходящие мелкие части в наш дом никогда не ставали из-за тифа. К счастью, мы все выздоровели. Оправившись от сыпного тифа, мама забрала Дусю , заболевшую в своей школе в свой дом. У выздоровевшей мамы были острижены волосы. После выздоровления и после того, как папа сам повенчал меня и Дусю 6 августа 1920 года в Кр.Каменской церкви, я с Дусей решили жить в помещении школы, где Дуся перед этим работала. У нас при школе была одна комната. Школу обслуживала и отапливала одна женщина- вдова с 4мя детьми. Харьковский технологический институт был закрыт, учеба в нем производилась до занятия вновь Харькова белыми войсками, которые в самый короткий срок освободили Украину и отделили ее от России границей за Белгородом. Технологический и-т еще бездействовал, я оставался по-прежнему в Кр. Каменке и занимался подготовкой учеников в количестве до 10 человек, приготавливая их к поступлению в средние училища Александрии. Мне хорошо платили, у меня временами были лишние деньги за мои преподавательские труды. Так я с Дусей провел при школе почти 2 года. В это время из России началось наступление красных войск, в белой армии начался распад и большевики быстрыми переходами освободили Украину от белых частей, которые в спешном порядке переправлялись в Крымский полуостров. Место Деникина занял командующий войсками генерал Врангель. С занятием Харькова красными войсками начал работу Харьковский технологический институт. Мне надо было продолжать образование, начатое в ите в 1918 году. По сдаче полагающихся экзаменов я на короткое время приезжал к Дусе в Кр.Каменку и один раз в летний перерыв был у матери Дуси в Боголюбовке. Поездки железной дорогой еще не были налажены, поэтому каждая поездка отнимала много времени. В 1922 году папа оставил Кр.Каменскую церковь и перешел работать священником в Онуфриевскую церковь, обменявшись местом с Онуфриевским священником Генкиным. Дом священника папа передал почтово-телеграфному ведомству. Семья наша, включая и Дусю, стала жить в своем доме. Но продолжалось это недолго. Начались большевистские придирки и требования отобрать у папы наш дом. Дуся в это время была у своей матери в Боголюбовке в последних числах бере-

менности. В 1923 году отобрали нашу усадьбу и дом вновь под почтовое ведомство. Маме, Коле, Косте, Ниле пришлось сначала поселиться в хате Андрея Соломки, а папе в сторожке при церкви. В 1923 году у нас с Дусей родилась дочь Лариса. После рождения Лоры я уехал в Харьков, зарабатывал там себе на жизнь уроками с Змя юношами, желающими поступить и получить среднее образование. В это время я окончил свою работу по своему главному проекту, который защитил 29 февраля 1924 года, получив звание инж.механика. Сразу же по получению диплома отец моего ученика Препнер устроил меня на работу в открывающийся новый цех гусеничных тракторов немецкого типа "ВД". В каникулы осенью 1924 года я был в Онуфриевке у папы и мамы, которых все время не оставляли в покое и заставляли часто менять квартиры и конфисковывать все, что еще можно было забрать, хотя папа, по-моему, не занимал священнический пост. Итак, осенью 1924 года я забрал Дусю и Лору из Онуфриевки в Харьков, где мы жили около 2х лет в маленькой комнатке, снимаемой у одного мужиковатого хозяина, хибарка которого была расположена у реки Харьков. Работал я на заводе в качестве конструктора тракторного цеха. Заработок мой был маленький. Хотя Ленин начал НЭП всерьез и надолго, нам с Дусей приходилось жить с трудом. Набрал со временем немного денег, мы с Дусей сменили квартиру и стали жить через речку в подвальной комнате на Журавлевке, где познакомились с жильцами этого 2х этажного дома и семьей Рудольфа Робертовича Витте, работавшим преподавателем при университете, с его женой, отцом и двумя детьми. Собрав еще около ста рублей, я обменял за эти деньги подвальную комнату, в которой мы с Дусей жили, на комнату с передней и лестницей на второй этаж рядом через двери с квартирой Витте. В это же время я и другие служащие и рабочие тракторного цеха начали вносить деньги на постройку жилтоварищества в 20 двухквартирных двухэтажных домов. Назвали этот поселок "Здоровье", где осенью 1925 года по жеребьевке разыграли эти квартиры. В первом этаже квартиры находилась кухня, коридор во двор, сарай во дворе для топлива, уборная с ванной и водопроводом, входная парадная дверь, лестница на 2ой этаж, где было две комнаты- спальня и гостиная, коридор с выходом на балкон. С Журавлевки мы с Дусей и Лорой переехали в эту новую квартиру. В 1928 году у нас родилась вторая дочь Ольга, здесь мы все и прожили до сентября 1936 г., а Дуся с Леной, вышедшей замуж за инженера сельхозучилища и с братом Володей до начала войны 1941 года. У нас до 1935 года жила и моя сестра Нила, вышедшая замуж за студента сельскохозяйственного института Григория Яковлевича Резника. Папа и мама оставались в Онуфриевке, нанимали квартиры, постоянно преследуемые разными придирами. В 1926 году папа и мама жили у Андрея Соломки. Летом этого года в свой очередной тарифный отпуск я с Дусей и двумя дочерьми приехали на две недели к папе и маме и жили у Андрея Соломки. Коля и

Костя тогда тоже жили здесь, все вместе и папа ходили ловить рыбу и раков в нижнем пруду, тогда уже довольно загрязненном. Коля и Костя вскоре уехали из Онуфриевки. Коля на заваод Петровского в Днепропетровске. На тяжелорой работе на заводе подорвал здоровье(грыжу), а затем из Днепропетровска уехал в Кривой Рог. Костя поступил в сельскохозяйственный институт возле Харькова . Папа и мама остались одни. Я, по мере продвижения по службе, начал зарабатывать больше денег(конструктором при отделе я работал почти 3 года). Как я уже писал, по личной просьбе папа оставил священническую должность, и я родителям помогал деньгами сколько только мог ежемесячно. В свое время и до смерти Ленина проводилась новая ленинская экономическая политика. Материальная жизнь при НЭПе значительно облегчилась, начали работать частные мастерские, небольшие частные магазины. Со смертью Ленина и началом правления Сталина все ленинские начинания были ликвидированы. Сталин ввел коллективизацию сельского хозяйства. Началось преследование зажиточного крестьянского хозяйства. Открылись торгсины, где товары продавались за иностранную валюту, за золото и серебро. Дуся сдала наши золотые кольца венчальные и большой серебряный массивный оклад иконы Божьей матери, завещанный мне моим дедушкой Григорием Евграфовичем перед его смертью. Она получила немного товара, которого в обычных магазинах уже не было. Начинался новый страшный голод. Деревни начали пустеть, люди из деревни начали разбегаться кто - куда. На улицах Харькова появились трупы умерших от голода, люди, поканчивая с собой, бросались под проходящий трамвай. Я продвигался по службе после конструкторской работы. Был назначен начальником контрольного отдела тракторного цеха. Мы делали трактора, главным образом, для военного ведомства для обслуживания военных механизированных частей. В Чугуевском районе, где было несколько претензий к нашим тракторам, объезжая воинские части, мы по дороге встречали совсем покинутые из-за голода деревни. Так началось правление Сталина. После моей работы в качестве начальника контрольного отдела тракторного цеха я был назначен начальником технологического бюро цеха. Под моим руководством в расширенном помещении работали несколько конструкторов по приспособлениям, технологов, нормировщиков. За два года перед этим Сталин организовал, так называемое, дело Промпартии. Из Николаевского судостроительного завода шесть старых опытных инженеров были после суда присланы на Харьковский паровозостроительный завод. Сначала на работу их водили в сопровождении в штатской одежде работники ГПУ. Затем, со временем, это сопровождение было отменено. Работали эти старые Николаевские инженеры-все беспартийные-до 1930 года. Затем были сняты с занимаемых постов, а на их место назначены молодые недавно окончившие институты инженеры – коммунисты. Какая участь в 1936 и 1937 годах постигла этих старых

инженеров, не знаю. В начале 1929 года начальник тракторного цеха Розальсон - Сотальский был с работы снят и на его место назначен еврей - коммунист Брускин, закончивший перед этим Харьковский технологический и-т. В 1929 году, ввиду большого расширения тракторного производства и начала строительства нового танкового цеха, необходимо было большое количество нового станкового оборудования. С немецким государством в это время у нас образовались хорошие отношения. Поэтому станочное оборудование закупалось, главным образом, в Германии. В августе 1929 года мне и старшему мастеру тракторного цеха Дудке заводоуправление предложило поехать в Германию для выбора станочного оборудования, инженеру сталелитейного цеха коммунисту Бондаренко поработать на заводах Круппа. Я пробыл в Германии пол года, а мастера Дудку через три месяца отозвали на завод. Выбирая оборудование, мне удалось побывать на многих станкостроительных заводах Германии. (смотри объяснительную записку для наркомтяжпрома). В Германии я пробыл пол года и в марте 1930 года вернулся домой в Харьков на завод и был назначен заместителем начальника цеха. Начальником в это время был назначен как коммунист еврей Лящ.. Инженер – коммунист Бондаренко был назначен директором завода вместо директора-коммуниста Владимиров, переведенного в Свердловск. В этом году началось строительство большого тракторного завода и коммунист Брускин был назначен сначала начальником строительства завода, а затем директором завода. В газете “Правда” часто на последней странице печатались объявления о разрыве всяких связей со своими родителями, что давало возможность этим типам делать быструю карьеру, как по хозяйственной, так и по партийной линии. Я, как беспартийный, продолжал работать на заводе на своем месте. От родителей через газету “Правда” я не отказался, хотя мне и предлагали это сделать в целях моей карьеры. У меня была своя собственная совесть. Однажды вечером, возвращаясь с работы вместе с конструктором конструкторского бюро тракторного цеха моим близким другом и товарищем Бобровым, последний под большим секретом сообщил мне, что его вызывали на Чернышевскую улицу в ГПУ, предлагали стать сотрудником сексотом, обещая за это быстрое продвижение по службе и всякие прочие блага. Бобров сказал мне, что от такой работы он отказывается. Чем это кончилось дальше, я не знаю. Знаю только, что после освобождения с Колымы я зашел к Бобровым в Харькове в их однокомнатную квартиру, и Бобров сказал мне, что теперь он коммунист. В конце 1930 года начали поступать заказанные мною через Берлинское торгпредство, станки. Из Москвы начали приезжать завербованные советским посольством в Германии и Австрии безработные инженерно-технические работники и рабочие-строители, учившие наших рабочих асфальтировать улицы. В тракторный отдел были присланы из Москвы два инженера-механика и один опытный инженер-конструктор

по двигателям внутреннего сгорания. Были приглашены два немца-мастера тракторов, один квалифицированный рабочий, начавший работать на карусельном станке. Всем нанятым немцам, многие из которых приехали со своими семьями, зарплата выдавалась частью в валюте, частью русскими деньгами. Завод обеспечил всех этих иностранцев квартирами в жилом заводском районе. Продолжалось такое положение с иностранными работниками около 3х лет. Затем им предложили отказаться от валюты, а в случае несогласия получить расчет в валюте и уезжать из Советского Союза. Все иностранные рабочие уехали домой. В 1933 году при переоборудовании тракторного отдела у меня было очень много работы, тяжелой и напряженной, как начальнику технологического бюро, так и заместителю начальника цеха. В середине августа 1933 года заводоуправление выдало мне бесплатную путевку в дом отдыха "Новый Афон", расположенный у моря километрах в 40 от Сухуми и денежное вознаграждение в размере моего месячного оклада. Попрощавшись со своими домашними и с чемоданом в руках приехал на Харьковский вокзал и, как командировочный, без очереди получил проездной билет до Сочи. Там, в Сочи, заканчивался железнодорожный путь, т.к. линия железной дороги, начатая в войну 1914 года по побережью Черного моря в сторону Батуми, строительством в революцию прекратилось. Добираться из Сочи до Нового Афона можно было только небольшим количеством заграничных открытых автобусов. Не долго подождав поезда Харьков - Сочи, я устроился в вагоне и решил, что мой отдых и отпуск уж начался.

МОЕ ПРЕБЫВАНИЕ И РАБОТА В БЕРЛИНЕ

Выехав из Харькова скорым поездом Харьков – Шепетовка, я и Дудка вышли в вокзал Киева в ресторан позавтракать. Наскоро поев, мы вышли к своему поезду и увидели только его последний вагон. Поезд ушел без нас. Один Бондаренко, который ехал на заводы Круппа, не выходил из поезда и уехал с этим поездом дальше. Мы с Дудкой дождались в Киеве следующего поезда и с ним прибыли на станцию Шепетовка. До границы с Польшей оставалось 8 километров. В зале ожиданий станции Шепетовка была невероятная грязь из-за лежащих и спящих на полу голодных людей. Ресторан был совершенно пустой. Ничего съедобного в ресторане не было. Через некоторое время к нам подошел пограничник и сказал, чтобы все советские деньги, которые у нас были, мы сдали здесь на свое имя в сберегательную кассу. Минут через 20 подошел к станции польский паровоз с четырьмя вагонами. Мы с Дудкой сели в вагон и сразу поехали к границе. Через границу поезд прошел очень медленно, и нам наши пограничники возвратили заграничные красные большие паспорта на русском и французском языках. Поезд польский тронулся, и через несколько минут мы были в польском городе Здолбунове. В зале ожиданий абсолютная чистота.

Ресторан ломится от всяких продуктов. Мы за границей и, с удивлением, сравниваем две соседние станции. Шепетовку, грязную и голодную, и Здолбуново с ее чистотой и с обилием всего съестного. Через час, примерно, подошел польский поезд Здолбуново – Варшава. Предъявив свои паспорта пограничникам-полякам и, в частности, начальнику караула, мы прилегли отдохнуть. Но отдохнуть не успели, т.к. начальник караула вернул нам наши паспорта и сказал, что киевские польские визы просрочены и, что мы должны вернуться домой в Шепетовку, что надо вновь обратиться в Киевское польское консульство для получения новой визы для проезда через Польшу. Ночью мы с польским поездом оказались в Шепетовке. Ввиду того, что подобные случаи были и до нас, при станции был уполномоченный русского правительства, которому мы рассказали о случившемся, и он, забрав наши паспорта, сказал, что через 3 дня мы получим из Киева от польского консульства продление виз на неделю. Три дня мы провели в еврейском городе Шепетовка, дни провели в окрестных сосновых лесах и, наконец, получили привезенные из Киева наши паспорта. Жили мы эти три дня на квартире железнодорожника, для которого не в новость были подобные события. За занавеской этой комнаты ждали въездной визы в Советский Союз молодая еврейка с молоденькой дочерью, только поступившей в колледж не знаю какого города Соединенных Штатов, едущие навестить своих родных в Киеве. Вскоре подошел польский скорый поезд Здолбуново – Варшава, и мы с Дудкой, благополучно на этот раз, оказались около 11 часов утра на Варшавском вокзале, где хорошо и позавтракали. Скорый поезд Варшава-Берлин отправлялся около 7 часов вечера, мы с Дудкой пошли осматривать Маршалковскую улицу и часть Варшавы. Пообедали каким-то странным польским супом. Так как из Советского Союза мы приехали в кепках и поношенных плащах, то зашли в шляпный магазин и купили вместо кепок шляпы - барсолины. В 7 часов вечера мы сели в поезд и поехали Польшей к немецкой границе. На границе проверка паспортов заняла самое короткое время, польская обслуга оставила поезд и ее место заняла немецкая. Поезд шел ночью и утром, проснувшись, я стал рассматривать проезжаемую Восточную Пруссию. Пожилые женщины- немки на велосипедах ехали на свои поля и на работу. В это время у нас в Сов. Союзе этого еще не существовало. Около 12 часов дня мы приехали на станцию Фридрихштрассе. Наняли такси и поехали в советское торгпредство, где нам предстояло работать. Были приняты торгпредом, показали ему наши командировочные и рассказали о цели приезда в Германию. Затем зарегистрировались в Советском посольстве. При торгпредстве для приезжающих была гостиница, в которой временно жили отъезжающие в разные страны мира, главным образом, в Соединенные Штаты разные работники Сов.Союза и корреспонденты газет. Было очень шумно и бестолково. Мы с Дудкой решили искать более спокой-

ной жизни. Нам полагалось в месяц каждому по 1000 марок. Это была хорошая оплата, т.к. немецкие инженеры получали меньше. Мы встретили еврейку - комиссионерку, и она повела нас искать квартиру. После нескольких неподходящих комнат мы остановились на одной хорошей чистой и опрятной в районе богатой части Берлина Шарлоттенбурге у молодой вдовы - немки Анны Корн. Наняли комнату за 50 марок в месяц. Хозяйка была веселой слегка ветреной, но по немецкому порядку давала в счет квартирной платы завтрак из 2х яиц и чашки кофе. После этого мы отправлялись подземкой в торгпредство, где работали с представителями фирм по приобретению оборудования. Денежная сторона этого дела нас не касалась, ее вели торгпредства. Мне иногда приходилось выезжать на заводы и устанавливать сроки поставки оборудования железной дорогой или морским путем. Таким образом мы с Дудкой проработали три месяца. Дудке, заболевшему гриппом и благодаря частному русскому врачу поправившемуся, заводоуправление предложило вернуться на завод. Мы с хозяйкой усадили Дудку в поезд и он уехал в Сов. Союз. Я остался один и платил за квартиру теперь сам 50 марок. Я получил разрешение побывать на Лейпцигской выставке. В марте 1930 года я вернулся домой в Харьков. Из Берлина мне один раз удалось через специальный магазин, обслуживающий Советский Союз, отправить Дусе посылку, которую она благополучно и получила. Такой я видел Германию в 1929-1930 годах при президенте Гинденбурге. Демонстрации, шествия нацистов и ряды коммунистов, которые шли молча, сопровождаемые по сторонам шуцманами с дубинками. По возвращению в Харьков я не превозносил Германию, в Германии я не встречался с русскими эмигрантами, часто слушавшими речи молодых русских на Курфюстердам. Я знал, что за мной могут следить русские агенты разведки. Один не то армянин, не то грузин, не знающий языка, попал в ресторан Белый медведь. А ехал он в Соединенные Штаты, и на радостях, что говорит один по русски, перепил настолько, что поздно ночью белогвардейцы ресторана Белый медведь на такси доставили его в общежитие торгпредства. В Берлине выходило несколько русских газет. На Сочельник я с хозяйкой ходил на служение в ее приходскую кирху. Новый год праздновался в Германии в 1930 году с большим подъемом и празднествами. Мы с хозяйкой были за заранее заказанным мной столиком, и я выпил много пива. Так прошли дни в Германии.

НАЧАЛО ТЯЖЕЛЫХ ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ.

В поезде около станции Никитовка Донецкой железной дороги неожиданно ко мне подошли одетые в гражданское 2 человека и заставили меня, не подымая шума, следовать за ними. После остановки поезда в Никитовке меня повели в помещение железнодорожного ГПУ и ве-

чером в поезде , идущем в Харьков в сопровождении этих двух, направились обратно в Харьков. На станции Харьков уже ждала меня машина “Черный ворон”. Меня с чемоданом усадили в эту машину, закрытую снаружи, и с одним сопровождающим повезли в ГПУ на Чернышевской улице, где находилось областное управление ГПУ. Черным ходом меня свели в подвал и предложили посидеть на спальных деревянных нарах пока меня вызовет следователь ГПУ. Моя нервная система и до сего большой и сложной моей работой на заводе после этого пришла в полный упадок и я начал плакать. В этом подвале находился еще один человек, очевидно, подсаженный ГПУ, уговаривавший меня не плакать, а чистосердечно во всем признаться следователю во время допроса. Наконец, поздно ночью меня повели как арестанта, с руками заложенными за спину, к следователю ГПУ еврею Александру Федоровичу Александрову, который сразу напал на меня с угрозами, если я не сознаюсь в своей контрреволюционной деятельности, в ведении вредных для государства разговоров, чтобы я сознался во всем, так как им все обо мне известно, что за мной все время наблюдали даже в кино, чтобы я выдал всех известных мне настроенных контрреволюционно лиц, чтобы я стал секретным сотрудником и доносил ему , Александрову, о всех разговорах, какие вели между собой рабочие и служащие. Если я дам ему подписку в сотрудничестве в качестве сексота, то мне на заводе сделают большое продвижение по службе и большой личный авторитет. Меня две ночи вызывал к себе Александров для таких разговоров и убеждений, дал мне даже прозвище “Западный”, и чтобы свои сообщения я подписывал этим псевдонимом. Я отказался от сексотства, сказал, что если узнаю что-либо о контрреволюционных разговорах на заводе, то сам сообщу об этом кому следует. Следователь Александров повел меня к начальнику областного отдела ГПУ, им в то время был еврей Шумский. После разговора с Шумским, при котором я не выдержал и расплакался, меня в эту же ночь в черном вороне секретно отвезли на станцию Харьков, достали проездной билет и усадили в вагон, каковым я и доехал до Сочи. А от Сочи в Новый Афон автобусом. Для меня это был не отдых, а сплошное мучение. Вернулся я домой из Нового Афона к семье с разбитым нервным состоянием. Дуся удивилась тому, что в Новом Афоне я не только не поправился, а стал еще хуже и нервнее, чем до поездки на курорт. По приезду в Харьков следователь Александров еще два раза вызывал меня по вечерам к себе на свою квартиру и предлагал описывать настроения рабочих цеха и сослуживцев. Я отказался от этого категорически. Сексотом меня не сделали и, в конце концов, оставили в покое на целых два года, т.е. до 1936 года. После таинственного убийства Кирова, все участники которого также бесследно исчезли, дело это до сих пор засекречено и не подлежит оглашению. Началась Сталинская эпопея разгрома старых партийных кадров, всякого рода высокопоставленных лиц, вклю-

чая министров, руководящих военных кадров. Многие при постоянных допросах и пытках сознавались в несовершенных преступлениях, некоторые, не дожидаясь ареста, кончали самоубийством. Вел все допросы и судил высокопоставленных работников прокурор Вышинский. Приговор всегда был один - смертная казнь через расстрел. Партийцев, старых большевиков судила разъездная по Украине специальная тройка военного трибунала во главе с Орловым, которая выносила смертные приговоры без права обжалования. Сразу же после вынесения смертный приговор приводился в исполнение расстрелом. Говорят, в Харькове в подвалах на Чернышевской улице Ежов свирепствовал всюду, но куда он сам после этого делся, неизвестно по сей день. Репрессии захватили и Харьковское управление ГПУ. Александров был снят с работы следователя ГПУ и назначен начальником кадров завода, который с этого времени стал называться заводом № 183. Шумский, ожидая своей участи, застрелился в своем кабинете. Восхваляли Ежова и его ежовые рукавицы в газете "Правда". В начале августа 1936 года на Украине и в России начались в полной мере аресты, чистки и увольнения с работы сначала беспартийных, а затем и партийцев, занимающих высокие партийно-хозяйственные посты. В этом августе было уволено несколько человек, в том числе, и я. Уволенных с завода направляли в отдел кадров Наркомтяжпрома, помещавшийся в Харькове в здании огромного, недавно законченного постройкой, Госпрома. Министром тяжелой промышленности в это время был еще Орджоникидзе, и его уполномоченный кадрами в Госпроме назначил меня на работу на вновь построенный завод, начавший выпускать тяжелое оборудование. Завод назывался Новокраматорский. Директор Новокраматорского завода назначил меня заведующим производством 2го механического цеха, а присланного со мной сослуживца помощником начальника большого кузнечного цеха и заготовительного отделения для газовой и автогенной резки металла и листов железа. На Новокраматорском заводе я проработал около недели, когда меня телеграммой вызвали в Харьков на завод 183, где я до этого проработал с момента окончания института до августа 1936 года. В телеграмме говорилось, что я будто бы не сдал некоторых дел. По приезду в Харьков из Краматорска рано утром я зашел домой, где были мать Дуси и Люся, которая в эту осень поступила в первый класс школы. Люсю застал занимающейся арифметикой. Она должна была в тетради нарисовать шесть силуэтов самолетов. У нее это не получалось и она расплакалась. Я помог Люсе нарисовать силуэты этих самолетов и сказал Дусе, что меня телеграммой вызвали на завод будто бы для сдачи некоторых дел. Не прощаясь с Дусей, сказал ей, что скоро вернусь домой, т.к. я уехал с Новокраматорского завода никого не предупредив, что меня телеграммой вызвали в Харьков на завод. На заводе 183 я позвонил начальнику отдела кадров, бывшему следователю ГПУ Александрову, который два года тому

назад старался сделать меня секретным сотрудником ГПУ, и сказал, что я приехал по их вызову из Краматорска. Александров попросил меня подождать некоторое время в приемной завода. Я прождал около получаса, как вдруг ко мне подходят два в штатском агента ГПУ и предложили мне молча следовать за ними. Машина стояла у подъезда заводоуправления. Меня усадили в машину между собой и повезли в ГПУ на Чернышевской улице. Здесь ввели в подвальное помещение, переделанное как бы в приемную, сдали меня под расписку дежурному по ГПУ. Последний предложил мне раздеться догола, повыворачивал карманы брюк, снял с руки наручные часы, купленные в Германии, срезал все металлические крючки на брюках и после длительного освидетельствования, в том числе, что ничего металлического у меня не осталось, предложил одеться, натянуть брюки, которые без пояса еле держались, и повел меня на 3й этаж тюремного, на Чернышевской улице, помещения следственной тюрьмы. На каждом этаже было по несколько камер (больше 10) по четыре человека в каждой. По лестнице между этажами были натянуты пружинящие сетки для предохранения заключенных от попытки самоубийства, перепрыгнув через ограду о пол первого этажа. На первом этаже было 5 камер для приговоренных к смерти с окнами, заделанными деревянными щитами. В камере, куда меня посадили, было 3 человека, я стал четвертым. Вскоре один из сидящих здесь, сын профессора математики Днепропетровского горного и-та, не выдержав непрерывных допросов днем и ночью, сошел с ума и кричал во все горло, звал свою маму к себе на помощь. Этот крик был мучительным и только наш непрерывный стук в дверь камеры заставил придти тюремного врача, осмотреть студента, убедиться, что он не симулирует, предложил забрать его из камеры. Его фамилию я забыл и сейчас не помню. Вместо уведенного из камеры больного в камеру поместили одного малообразованного и малоразвитого немца по профессии плотника из колонистов Днепропетровской области. Фамилия его была Цин. Из немцев-колонистов Днепропетровской области забрали почти всех во главе с глубоким стариком их пастором. Следствие над этими немцами велось ускоренным порядком. В чем обвиняли этих малокультурных, в основном, рабочих-плотников я не знаю. Узнал также совершенно случайно, что все они были расстреляны, кроме старика их пастора. Так я, вместо возвращения домой, как говорил Дусе, что скоро вернусь домой, на долгие годы оказался совершенно отрезанным от семьи с 1936 года по 1946 год, когда Дуся и Люся приехали ко мне на Колыму. Утром на первый допрос меня с заложенными назад руками к следователю по фамилии Ремов повел солдат ГПУ. Ремов предпочитал меня мучить всякими способами и днями и ночами непрерывной стойкой у стены на расстоянии 4 пальцев от носа, добиваясь признания в том, что я являюсь шпионом немецкой разведки и, не веря сам в это его же собственное обвинение, Ремов, когда кто-

нибудь проходил мимо его кабинета, начинал кричать на меня, чтобы я чистосердечно признался ему и это искупит меня от очень тяжелого наказания. Мне не было в чем признаваться, да он, следовательно, и сам это понимал, и мы подолгу сидели молча. Неожиданно ночью под Новый 1937 год меня вызвали в ГПУ. Я уже думал, что меня вызвали, чтобы выпустить на свободу к семье. Просидел я всю ночь и утром меня опять повезли в тюрьму на Холодной горе, т.к. тюремные помещения во внутренней тюрьме на Чернышевской были уже так переполнены заключенными, что вместо 4 человек в камере сидело иногда и больше 10 человек. Меня во время допросов не били, это началось в конце 1937 и начале 1938 годов с инициативы Ежова и Сталина. В конце 1937 года заключенного по очереди, не давая спать, били по 4 следователя, то одновременно, то в очереди, перебрасывая полуживого человека из одних рук в другие. Я сам видел этих полуживых избитых людей, когда их высаживали из черного ворона во дворе тюрьмы на Холодной горе. В конце 1937 и начале 1938 года начались повальные аресты. Мало кто спал по ночам, ожидая стука в дверь и ,сплошного обыска в присутствии двух полусонных понятых. Арестовали и директора 183 завода Бондаренко, и четверо следователей его избивали до полусмерти. К этому времени был арестован (ранее бывший директор 183 завода) директор Свердловского завода тяжелого машиностроения Владимиров и директор Харьковского тракторного завода Брускин, назначенный незадолго перед этим одним из заместителей наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе. Все эти коммунисты-директора больших заводов Советского Союза после пыток, избиений, бесконечных допросов были осуждены на смерть без права обжалования и расстреляны выездной сессией военного трибунала, руководимого Орловым. Приговор приводился в исполнение немедленно после подписи трибунала. Так погибли эти директора заводов, коммунисты, которых я сам лично знал и знал хорошо, когда работал на заводе 183. Что касается моего личного дела, то Ремов оставил меня на некоторое время в покое, и меня перевели в камеру в тюрьме на Холодной горе. Здесь в тюрьме я научился перестукиваться ночью через стену и узнавать от недавно поступивших заключенных все новости, происходящие на свободе. Так я узнал о свирепствовании Ежова, предрешенных Сталиным выступлениях прокурора Вышинского, о смертных приговорах старым коммунистам, наркомам, всегда добровольно сознающимся в несовершенных преступлениях. Многие, не дожидаясь ареста и пыток, сами кончали самоубийством. Так покончил самоубийством и нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе, когда узнал, что его племянника- директора огромного завода расстреляли. Азбука перестукивания, из которой я узнавал все эти новости, была очень простой и понятной. Русский алфавит состоял из 4,5 рядов букв. А Б В ГД-1й ряд Е(Э) Ж З И(Й)-2й ряд Л М Н О П-3й ряд Р С Т Ш Щ-4й ряд Я Ю-5й ряд. Например, буква А стуча-

лась так: 1 стук перерыв 1 стук; буква Л три стука перерыв 1 стук, буква Я 5 стук перерыв один стук. Так я каждую ночь узнавал о смерти Ягоды, самоубийстве Орджоникидзе, о признаниях дореволюционных старых большевиков, наркомов, добровольно сознающихся в преступлениях в надежде на Сталинское помилование и все таки затем расстрелянных.

В это время следователь Ремов, чтобы скорее закончить свое следствие, включил в группу ко мне инженера Фукса, русского немца, работавшего конструктором у меня в технологическом бюро, когда я работал на заводе 183, переводчика при немцах на заводе Фатера, парикмахера-еврея, у которого немцы стриглись, брились, заведующего испытательной станцией двигателей для тракторов Петра Антонова, прошедшего всю гражданскую войну в Кр.Армии и женившегося на фронте на сестре Розальски - Сошальского, а также взятого с военной службы молоденького солдата Коробкова, не знаю уже за какие проступки. Всех этих лиц и меня, в том числе, Ремов обвинил в шпионаже в пользу Германии (статья 58-6), в антисоветской агитации (статья 58-10), контрреволюционной организации (статья 58-11). Дело было передано в военный трибунал Харьковского округа, где и состоялся суд над всеми нами. Несмотря на всю недоказанность в наших преступлениях, суд приговорил меня и Фукса к 8 годам заключения и 3 годам поражения в правах после этого. Парикмахер и Антонов были освобождены и выпущены на волю, Фатера и Коробкова приговорили к 5 годам заключения. Во время суда Фатер сказал на суде, что следователь Ремов заставил его в протоколе дописать, что я антисоветски настроенный человек, и, чтобы он не терял со мной связи, т.к. в свое время я могу пригодиться немцам. От всего этого он теперь категорически отказывается. Но на это военные судьи не обратили внимания, они и сами вскоре погибли в эту ежовщину. Вновь арестованные ГПУ еврей – парикмахер и Антонов погибли при немецком наступлении в 1941 году, брошенные в тюрьме ГПУ на Чернышевской при поспешном бегстве из Харькова. Здание на Чернышевской подожгли и много людей из оставленных в камерах заключенных сгорели. Так, очевидно, погиб и Петр Антонов. После суда нас, приговоренных к заключению, перевели в большую камеру на 3м этаже тюрьмы. В камере этой было не меньше 150 человек разного возраста, образования и общественного положения. По распоряжению Ежова от Сталина на все окна были установлены намордники из досок с узкими щелями сверху так, чтобы было видно только небольшую полоску неба. Сделано это было, чтобы со стороны улицы не видели заключенных. Заключенные лежали на полу впритык друг к другу так, что нельзя было пройти, не задевая лежащих, к большой железной бочке, стоящей у дверей и называемой параша, оставляемой для естественных надобностей заключенных. Ежедневно утром параша двумя блатными заключенными выносилась в уборную и очищалась. Но вонь

параши от этого не уменьшалась. Каждое утро под конвоем надзирателей по частям человек по 20 выводили из камеры в уборную на 10 открытых мест, где и исполняли под наблюдением ожидающих очереди желающие оправиться. Церемония эта для всей камеры длилась около часа. А затем на пол часа выводили заключенных во внутренний дворик тюрьмы, где мы и кружились один за другим, заложив руки за спину, рядами по 4 человека в ряду. По временам, утром открывались двери камеры и вызывали по фамилии несколько заключенных для нового следствия или для отправки в этап в разные, не указываемые отправляемым, лагеря заключения. В зиму этого 1937 года я из-за голода сильно ослабел, так как кормили очень плохо, а помощь передачами я получал крайне редко. Я приболел, так что тюремный врач не мог отправить меня в этап. Здесь же, в тюрьме, от сидящего здесь онуфриевца я узнал, что папа мой в этапе где-то у Люботина умер в вагоне и его унесли куда-то и где-то закопали. После моего ареста 17 сентября 1936 года папа и мама оставались в Онуфриевке, теперь осталась в Онуфриевке одна мама. Мама, чем могла, хотела помочь папе в Кременчугской тюрьме, а мне пересылкой в Харьковскую тюрьму немного денег. Ни папа, ни я ничего посланного и переданного мамой не получали. Оставшись без всяких средств мама по Нилиной просьбе переехала к ним в Сталинград, где и была с Нилой и внуками Вячеславом и Людмилой до самого начала войны с фашистами в 1941 году. Григорий Яковлевич был призван в армию. А Нила с мамой и детьми, с трудом перебравшись через Волгу, эвакуировались за реку Урал. Поселились в пустой хате, оставленной призванными в армию. Мое нездоровье и слабость не позволяли меня назначить в этап, и это послужило мне и принесло большую пользу. На Колыме, куда я попал в 1938 году, свирепствовал начальник лагерей Дальстроя Гаранин. Он неожиданно приезжал в лагерь политзаключенных, выдворял ночью из холодного барака, выстраивал в ряды, отбирал каждого 14го человека и, как говорят пережившие это, сам лично расстреливал этих бедняг. Куда затем делся этот Гаранин, я не знаю, был ли это нормальный человек или наркоман. Несколько окрепнув, в 1938 году летом в августе я был назначен в этап. на Колыму. Нас, отправляемых на Колыму, с вещами, возвращенными со склада Чернышевской тюрьмы, погрузили в черный ворон настолько много, что дышать в нем не было никакой возможности. Если бы еще немного, то никого в живых уже не оказалось бы из-за удушья. Нас выгрузили за станцией Харьков в поле у длинного состава вагонов для перевозки скота или 8ми лошадей. В каждый вагон с 2мя сплошными нарами в 2 этажа и узким проходом между ними садили по 40 человек. Вагон запирался снаружи, две отдушины вверху стен вагона были зарешечены. На некоторых вагонах с площадками для тормозных устройств, стояли вооруженные винтовками конвоиры. В этом поезде везли на Колыму политических заключенных, мужчин и женщин, и в

отдельных вагонах разный блатной сброд. В день давали на обед баланду и на вагон ведро воды. Люди в вагоне страдали от жажды, стучали в дверь вагона, требуя воды, но ничего не добивались. Поезд проезжал мимо городов и всегда останавливался вдали от станции или города. Так, что мы не знали, где мы находимся. Только около Новосибирска, на каком-то разъезде, нам устроили мойку в бане с холодной водой, и выжиганием паразитов в паровой вошебойке в свернутых и завязанных в узел личных вещах. Наконец, после месячного путешествия из Харькова наш поезд прибыл во Владивосток и остановился у места, называемого Черная речка. Все время следования поезда через Россию на каждой остановке проверялись полы вагонов, в которых везли уголовников и блатной заключенный люд. Были случаи, когда блатные прорезали пол вагона и на ходу поезда выбрасывались на железнодорожное полотно и бежали, если оставались живы. Привезший нас во Владивосток поезд для предотвращения побегов блатных был в конце последнего вагона оборудован специальными граблями, наподобие сеноуборочных косилок, так чтобы бежавший был бы подхвачен с полотна дороги этими граблями. Во Владивостоке на Черной речке были открыты двери всех вагонов и заключенные впервые за свою месячную дорогу начали дышать свежим воздухом. Этот поезд привез с собой около 3000 человек, большая часть которых состояла из, так называемых, политических заключенных, остальные из разного рода уголовников. Было в составе и несколько вагонов с женщинами-политзаключенными за партийцев мужей, обычно, расстрелянных. Были также уголовницы; воровки и проститутки. Всех их также отправляли на Колыму. Всех высаженных из вагонов окружила усиленная охрана войск ГПУ с собаками-овчарками. Затем весь этот люд с частыми остановками в пути повели в пересыльный транзитный лагерь на окраине Владивостока. В дороге блатные начали нападать на, как они говорили, констрикторов и отнимать у них чемоданы и личные вещи. Конвоиры в это дело не вмешивались. После длинного пути, наконец, нас привели в пересыльный лагерь Дальстроя. Нас кое-как покормили и предложили тем, кто хочет, поработать в лагере, где все время продолжали строиться новые дополнительные бараки для пересыльных. Я и еще десяток человек согласились поработать на чистом воздухе. Нам отвели место на потолке, оканчиваемого постройкой барака. Мы приготавливали раствор глины с соломой и подавали на наружную часть потолка со стороны крыши для утепления здания в зимнее время. Во Владивостокском пересыльном лагере Дальстроя мы провели около полутора месяца, т.к. на Колыму из пересыльного лагеря заключенных перевозили два теплохода "Дальстрой" и "Феликс Дзержинский". Вот в лагере ожидали прихода любого из этих теплоходов. Должен был раньше прийти с Колымы теплоход "Дальстрой". По приходу из очередного рейса с Колымы теплоход "Дальстрой" забрал всех заключенных пересыльного лаге-

ря, всего около 5000 человек мужчин и женщин. Все трюмы “Дальстрой” были оборудованы сплошными нарами. Люди на нарах лежали впритык друг к другу. В узких проходах между нарами еле можно было просунуться. Женское отделение трюмов было отгорожено от мужского отделения легкой дощатой перегородкой. Этим воспользовались блатники, проломили перегородку, начали насиловать, главным образом, женщин проституток. Головой блатных был блатной врач, так как он имел кое-какое медицинское образование и был выгнан из медицинского института за свои блатные поступки. Как врач за всю дорогу до Колымы он никому никакой врачебной помощи не оказал, да и вряд ли мог бы оказать. Раз в день заключенных выпускали из трюмов для исполнения естественных нужд в устроенных на двух бортах теплохода временных дощатых уборных. При подходе к проливу Лаперуза всех заключенных, не окончивших еще естественных надобностей, из дощатых уборных загнали в трюма, так как в проливе Лаперуза теплоход “Дальстрой” начал сопровождать японский миноносец. Конечно, на миноносце японцы знали, что “Дальстрой” перевлзит заключенных на Колыму. На “Дальстрое” я и еще несколько человек из заключенных согласились быть санитарями. Слегка приподымая люк трюма, я своими глазами видел разные японские суда, сопровождающие “Дальстрой” в проливе Лаперуза, а также выбрасываемых за борт “Дальстрой” умерших в дороге заключенных. Видел в щель крышки трюма как капитан “Дальстроя”, помощники капитана, начальник конвоя “Дальстроя” составляли акт о смерти заключенного и затем, положив доску на перила борта, выбрасывали труп в Охотское море. Переезд из Владивостока по Охотскому морю на Колыму в бухту Нагаево занял около десяти дней, т.к. в Охотском море начался большой шторм, и теплоход “Дальстрой” отклонился несколько от обычного пути и курса. По прибытию в бухту Нагаево, расположенную в 4 километрах от Магадана, всех заключенных высадили из теплохода, а их было около 5000 человек, окружили со всех сторон солдатами ГПУ и овчарками и с частыми остановками в пути повели в Магадан, останавливались и заставляли присесть на корточки, пока не подойдут совсем ослабевшие и больные, особенно, ослабевшие женщины. В каждом ряду выстраивали по 10 человек для более легкого счета. Путь от Нагаево до Магадана занял около 3х часов, так что в Магадан заключенные прибыли уже затемно. Всех привезенных начальник конвоя “Дальстроя” по счету передал магаданской охране. Заключенных стали размещать в большом деревянном здании, ранее считавшемся кинотеатром. Здесь выдали каждому по куску хлеба и весьма редкую холодную баланду, от которой на второй день у меня начался сильный понос. Я обратился к фельдшеру и он дал мне лекарство от поноса. Утром стали подъезжать автомашины. На каждую машину усаживали по 40 человек и отправляли их в разные места Колымы. Каждому отправляемому давали по одному пончику. Из-за болезни желудка я не попал на

первые автомашины и пробыл здесь еще 2 дня, пока не окреп желудок. А затем и меня, в числе других, усадили впритык один к другому и повезли по Колымскому шоссе на север. Дали на дорогу и мне один пончик. Ехали мы по колымскому шоссе до вечера. Уже в темноте шофер сказал, что поедет заправить автомашину бензином, чтобы свои вещи мы оставили на машине, т.к. он скоро вернется. Я оставил на машине свой новенький бушлат, полученный перед отъездом из Магадана. Остался в пальто, которое Дуся передала мне в Харькове на дорогу. Так в этом пальто я и остался на долгое время, т.к. новенький бушлат украли или сам шофер или подобные ему блатняки, обслуживающие автомашины в поселке Палатка, еще до переезда через Яблонево хребет, куда еще доставало теплое дыхание Охотского моря. За Яблоневым хребтом начиналась настоящая континентальная холодная до -55-60 град Ц. Погода без ветра, но, временами, с заносами снега и сильными морозами. Колымское шоссе начиналось от бухты Нагаево и шло в сторону Якутска. Дорогу эту строили заключенные, начиная со времен освоения Колымы и золотых приисков, примерно, с начала 30х годов. Вся эта дорога с ответвлениями к приискам и немногочисленным поселениям, заправочные станции, немногочисленные поселки с зачатками маломощных заводов и заводиков, временными деревянными домиками. Эти тысячеверстовые дороги были построены контриками и уголовниками, которых начали перебрасывать из Соловецких лагерей Европейской части СССР, когда весть о порядках на Соловках стали более или менее известны в Европе. Магадан в 1938 году был небольшим городком, в котором было несколько стандартных 2х этажных домов, в которых жили вольнонаемные рабочие с семьями. Большое многоэтажное здание "Дальстроя", деревянный кинотеатр, больница, здание почты, три полузастроенные улицы, временные брезентовые палатки, зачатки строительства промкомбината, авторемонтный завод с несколькими небольшими цехами, на которых работали заключенные и небольшое число вольнонаемных начальствующих лиц, в основном, приехавших из Москвы и Ленинграда и других городов СССР в погоне за длинными рублями или в целях спасения от ожидаемых арестов. Зарботки у этих лиц в основном, занявших главные посты в дирекции, начальников небольших цехов, работников бухгалтерии, работников конструкторского бюро были очень высокими. Лагерь магаданских заключенных находился за рекой Магаданкой, в 3 километрах от центра Магадана. Лагерь был большой на большое количество заключенных-лагерников с большими длинными бараками, в каждом помещалось не меньше ста человек контриков и уголовников. Вся территория лагеря была ограждена двойной стеной колючей проволоки с частыми высокими вышками, на которых постоянно стояли вооруженные солдаты войск НКВД с овчарками. Вход в лагерь был через одни высокие ворота и проходную, в которой постоянно сидели надзиратели из ГПУ с

более высоким статусом, чем обычные солдаты. На верху больших ворот была большая во всю ширину ворот цитата из Ленина и Сталина на русском языке о том, что труд в СССР есть дело чести, славы и доблести. Между прочим, на всех воротах всех лагерей были подобные афоризмы Ленина-Сталина. Из других больших поселений по Колымскому шоссе был поселок за Яблоневым хребтом. – поселок Ягодное, дальше мост через Колыму, далее Сеймчин и другие небольшие поселки, названия которых я уже забыл. Наконец, на 2е сутки по выезду из Магадана около 8 часов утра наша машина прибыла на золотой прииск, который назывался Майорыч., будто бы в честь Майорыча, впервые открывшего здесь золотоносную рассыпную породу. Нас заключенных, 40 человек выгрузили из машины, пересчитали конвоиры и передали под расписку начальнику прииска “Майорыч”. Лагерь “Майорыч” был большой на сотни человек политических заключенных. Было около 10 длинных одноэтажных бараков, каждый на 2-3 сотни заключенных. Каждый барак отапливался двумя железными с всегда раскаленными стенками бочками. Эти бочки стояли посреди прохода между боковыми, расположенными в 3 этажа нарами, на расстоянии метров 30 друг от друга. Бочки отапливались дровами, непрерывно подбрасываемые дневальными из стариков, негодных для физической работы. Между бочками в проходе стояли 2 длинных стола. В лагере “Майорыч” был еще один барак, отделенный от других колючей проволокой. В нем отбывали срок заключенные лица более высоких рангов из политработников и военных, не уничтоженные после суда выездной тройки военного трибунала. В этом бараке, как мне говорили было 112 человек. И вот я выгрузившись из автомашины, увидел этих людей полураздетых, в обмотанных тряпками босыми ногами, всунутыми в глубокие резиновые галоши. Температура воздуха в тот день была около -45 грд.Ц. По всему было видно, что люди этого барака подлежали уничтожению. Так оно и было, потому что к весне 1939 года из этого барака в живых осталось несколько человек более молодых и крепких. Остальные все в зиму 1938-39 года погибли. В каждую летнюю навигацию теплоходы привозили на Колыму не меньше 50 тысяч человек. А началось это с началом освоения Колымы в конце 20х годов. За зиму к навигации следующего года большая часть из этих 50 тысяч погибали из-за больших холодов, доходящих иногда до минус 60грд.Ц.И в такие морозы (правда, не всегда) заключенных выводили на работу при очень плохом питании и жестоком обращении как конвоиров, так и лагерного начальства. Итак, по прибытии нашей автомашины на прииск “Майорыч”, расположенный на левом берегу реки Колымы, нас по счету сдали местной лагерной администрации привезшие конвоиры. Надзиратели повели нас в столовую, заставили выпить пол стакана настойки из хвои кедрового стланика, выдали по 400 гр хлеба и по миске каждому лагерной баланды. Без пол стакана настойки из стланика, будто бы предохраняющей от

цынги, есть ничего не давали. Затем всех позавтракавших снова вывели во двор, где температура в это время была около -45-50 грд.Ц, выстроили в колонну и повели в барак, где каждому было указано его место. Дали отдохнуть ночь. Утром, еще затемно, опять выстроили в колонну, дали в столовой поесть приготовленной баланды, по 400 гр хлеба на сутки. После завтрака в окружении охранников и овчарок нам, приехавшим вчера, выдали по заостренному лому длиной около 2х метров и ложечки на длинной рукоятке, повели на золотой прииск, расположенный, примерно, в километре от лагеря и реки Колымы. На тропинке, протоптанной предыдущими партиями в глубоком снегу, один из прежде привезенных заключенных, старше 50 лет(говорят, профессор) от истощения упал в снег и не мог подняться. Конвоир-украинец с собакой подошел к упавшему и своими на солдатскими валенками бил старика в бок, заставляя его подняться. С этого началось мое многолетнее пребывание на Колыме и отбывание заключения по статье уголовного кодекса РСФСР 58-6,58-14, 58-11. Нас, прибывших вчера, расставили по местам невдалеке друг от друга, указали места для долбления отверстий диаметром около 80мм в , куда позже подрывники закладывали взрывчатку-амонал. Наша задача заключалась в том, чтобы круглое отверстие в грунте было глубиной немного меньше длины лома. Мелкий порошок при долблении вычерпывали ложечками с длинной рукояткой. Все это делалось для вскрытия взрывчаткой пустой породы. Так как у меня по дороге на прииск в Палатке украли новенький бушлат, то я начал долбить дыру в грунте в длинном зимнем пальто, переданном мне Дусей в Харькове в тюрьме на Холодной горе. Все остальные вещи: верхние рубашки и другую мелочь - я поменял с одним блатным на пайки хлеба. Этот блатной обслуживал нас пищей и хлебом. Работать в длинном зимнем пальто, долбить дыру в скалистом грунте для истощенного в длинной дороге человека, было очень тяжело. За все время с утра и до наступления темноты я ломом и черпаком на длинной ручке прорубил дыру глубиной немногим более полуметра. Пришел замерщик, замерил мою дневную выработку. Конвоиры собрали заключенных в одну колонну. Стало совсем темно, когда нас повели в лагерь. Через замерзшую Колыму перешли на остров и нас заставили ломать сушняк, сламывать сухие ветки с деревьев. Затем собрав большую охапку этого хвороста, нужно было отнести ее в свой барак для отопления 2х железных бочек-печек. Такой порядок продолжался всю зиму 1938 года. Однажды ночью, собрав хворост на острове и, присев на пень, замерз мой сослуживец по заводу начальник сталелитейного цеха, фамилию которого я сейчас не могу вспомнить. Из-за невыполнения дневных норм выработки, издевательств надо мной, я тоже решил покончить с собой, замерзнув на этом острове у собранного хвороста.. Вспомнился харьковский дом и здесь я почти въявь увидел перед собой меньшую дочку Люсю, которая будто бы закричала:” Папа, что ты

делаешь?” Я вскочил с пенька, поднял хворост и решил не кончать самоубийством, а надеяться на лучшие времена. Плохое питание: днем- жалкая баланда, вечером на ужин- целая сельдь, 400 гр хлеба делали свое дело. Я все больше и больше слабел. За невыполнение нормы меня и еще несколько человек посадили в небольшой неотапливаемый деревянный карцер, расположенный за бараками. Ночь холодную с температурой около -50грдЦ мы просидели, прижавшись друг к другу в этом карцере. Утром освободили и опять погнали на работу. Раз в неделю на прииске Майорыч производили взрыв пустой породы аммоналом, закладываемым в отверстиями, пробитыми ломами В 1938 году на прииске Майорыч не было почти никакой механизации. Все работы на прииске велись вручную заключенными, постепенно, но неуклонно зимой вымиравшими. Так как в мерзлоте могил не делали, за пределами лагеря в открытом сарае только с крышей мы складывали умерших в штабеля, как дрова, один на другого. Сколько за зиму на Майорыче погибло заключенных, сказать трудно. Во всяком случае , к весне 1939 года создалась большая недостача в рабочей силе. Все работы по лагерю, по кухне, по резке хлеба и другие хозяйственные работы выполнялись только блатным людом. Поэтому блатные не так гибли и легче переносили свое заключение. В бараках одну сторону занимали политзаключенные, другую, противоположную- блатной народ. Механизация Майорыча в 1938 году была очень слабой: был один мощный локомобиль, приводящий в движение мощный переменного тока электродвигатель. Отапливался локомобиль дровами лиственницы, циркуляркой порезанное на поленья. Циркулярка работала от эл.мотора. Эл.мотор освещал бараки и территорию всего лагеря эл. лампочками. Кроме того, мощный эл.мотор приводил в движение в дневное время бесконечную кабельную канатную дорогу, по которой после взрыва пустой породы последнюю собирали в деревянные короба на полозьях и, прикрепив их специальными захватами за движущийся канат, отвозили на свалку. После очистки взорванной пустой породы короба наполнялись вручную лопатами и подобными же захватами цеплялись к движущемуся металлическому канату, который и тащил золотоносный слой из прииска вверх на специально сделанную деревянную эстакаду, где я, поставленный на эту работу, должен был на ходу отцепить от каната зажим, высыпать золотоносный слой на платформу, перевернуть короб, прицепить для спуска его вниз в рудник этим же стальным канатом. Надо сказать, что ,примерно, за месяц времени я обрезал ножом половину пальто на уровне карманов, так что работал в каком-то подобии бушлата. Стальной канат, доставлявший короба на платформу , был обведен вокруг горизонтально расположенного деревянного круга диаметром около 2х метров и находящегося над уровнем пола платформы, примерно, на высоте короба. Раз я не успел сразу освободить короб от захватывающего устройства на канате и меня коробом пота-

щило к вращающемуся колесу движущегося каната. Меня должно было прижать коробом к этому кругу и здесь расплющить в лепешку. Собрав остаток последних сил, я все-таки сбросил зацеп с каната, и это за считанные секунды спасло меня от смерти. По обеим сторонам платформы, где я освобождал золотоносный слой, было устроено по 6 камер с каждой стороны, куда затем другими заключенными этот золотоносный смерзшийся песок засыпался до верха. Камеры обогревались паром от бойлера. За ночь песок оттаивал. Камеры были устроены вверху длинного под углом около 30 грд. коридора, отапливаемого двумя железными из под бензина бочками. В этом коридоре было сравнительно тепло. Посреди прохода был устроен желоб с высокими бортами, идущими вниз к выходу из этого тепляка. Дно этого желоба было выстлано сукном и узенькими поперечными рейками на расстоянии около метра одна от другой. В верхнюю часть желоба мощный центробежный насос подавал воду из реки Колымы. Утром с началом работы по обеим сторонам этого желоба становились по 6 человек с шестами, на концах которых были приделаны поперечные планки. Они открывали оттаявшую за ночь камеру с золотоносным песком и по частям высыпали в желоб, размешивая золотоносный слой, шуруя своими приспособленными шестами. Так продолжалось целый день. Освободившуюся камеру вновь заполняли мерзлым золотоносным песком. Работа в теплом помещении была сравнительно легкой. Но к концу дня, заключенные все время шуруя, сильно уставали. Рано утром до начала работы в тепляк приходила комиссия из нач.лагеря, помощника, вольнонаемного съемщика золота, который мягкой кисточкой сметал с сукна и около деревянных реек золото рассыпное. Крупные самородки золота на Майорыче почти не попадались. Собранное золото в конторе прииска взвешивалось, составлялся акт о намытом золоте и оно запиралось в несгораемый шкаф. Затем это штифтовое золото со всех приисков собиралось и самолетом отправлялось, гл.образом в Свердловск на рафинирование. Таким образом я проработал зиму 1938 года то в забое, то на вскрышных работах, то на спуске коробов, то на загрузке и оттаивании камер, шуровании оттаявшего золотоносного слоя в желобе. Заключенные работали спустя рукава, халатно шуровали золотоносный слой и, вероятно, много золота сильным напором воды из насоса уносилось из желоба и сарая в реку Колыму. А в отвалах, так называемой, пустой породы из-за нежелания добросовестно работать сколько еще можно было бы найти золота. Но кому это было надо? Кто был в этом особенно заинтересован? Никто. Ни голодающие заключенные, ни начальство, которое липовыми отчетами перед Дальстроем оправдывало свою сверхвысокую зарплату. Один раз в две недели охранники лагеря и надзиратели производили в бараках сплошные обыски с тем, чтобы не было никаких ножей, карандашей, бумаги для писем. Затем всех з/к одного барака человек до 200 строили в колонну и вели под охраной в баню.

В бане снимали всю одежду, связывали одежду одеялами в клунки и сдавали в ряд паровых парилок, где паром высокой температуры должны были уничтожаться вши. В это время з/к шли в помещение бани, где им давали кусок мыла и несколько минут купания под душем. Затем з/к выходили из банного помещения, где к этому времени выгружалась из парилок свернутая одежда и выдавалась з/к постиранная нижняя одежда. З/к разбирали свои свернутые выпаренные верхние одежды, одевались и шли обратно в лагерь. Обычно, после бани на прииске не работали. И, надо правду сказать, вшивоты в бараке не существовало. Один раз в бане у меня украли почти новые валенки и оставили одну пару старых, изношенных. В этих старых, подранных валенках я и проработал зиму 1938-39 года. В лагере на небольшой площадке между бараками вывешивалась под стеклом газета "Правда". В "Правде" высмеивалось ведение войны Германией на Западе. Мол, иногда постреливали, а затем замолкали на сутки и больше. В 1939 году для переноса границы с Финляндией дальше от Ленинграда, мы начали войну с Финляндией Эта война принесла много ненужных смертей солдат и смену старых большевистских военных (Буденный, Ворошилов) на более молодых военных специалистов. Война была закончена с небольшим приростом территории Советскому Союзу за счет Финляндии. В газете "Правда" об этой войне почти не писали. С наступлением весны 1939 года, примерно, в середине мая месяца золотоносный слой в прииске сильно оттаивал, собиралась вода. Вместо валенок нам выдали старые грубые ботинки, уже бывшие в употреблении. Меня поставили по дну прииска делать канавки для стока в них талой воды. На этой работе я проработал все лето 1939 года. Однажды, очищая канавку от ила подгребной лопатой, я впервые почувствовал лишнюю тяжесть, и увидел впервые рассыпное золото. Я подозвал вольнонаемного маркшейдера, собралась комиссия из начальства, меня отпустили и из кармана этой канавки начали выбирать лопатой рассыпное золото. Сколько его там было, я не видел и не знаю. Зимой 1939-40 года и весь 1940 год я проработал на вскрытии пустой породы, перевозкой ее канатной дорогой в отвал, где образовался огромный террикон наподобие угольных шахт Донбасса, то в топляке на шуровке золотоносного слоя, оттаявшего в камерах. Сколько золота ушло в отвалы при промывке представить себе трудно. Считаю, что если отвалы пустой породы заново переработать, можно найти немало золота. Но это никому не было нужно. За все 1938, 1939, 1940 годы я ни разу не получал какой-нибудь зарплаты. Кроме скудного питания, я ничего не получал. Я все более и более слабел. Несмотря на стланиковую настойку, не выпив которой не давали баланды, у меня начали кровоточить десна и шататься зубы. У меня началась цинга. За эти годы на Майорыче погибло много людей от цинги, воспаления легких, дизентерии. Где все эти штабеля умерших заключенных я не знаю, не видел и думаю, что в лесу за лагерем

где-то с ж и г а л и Своими глазами я видел на свалках возле кухни людей с высшим образованием, высших партийцев, которые рылись в выброшенном из кухни мусоре и выбирали что-либо съедобное. Пальцами выскребали пустые банки из-под мясных консервов, которыми в небольшом количестве заправлялась жидкая баланда. На ужин всегда выдавали каждому по одной целой селедке и по 400гр хлеба на сутки. В газете “Правда”, которую я сам из-за потери зрения еще в тюрьме на Холодной горе и отсутствия очков читать не мог, а слушал, как читали вслух другие, еще хорошо видящие заключенные, с конца 1940 года и до начала войны 1941года писалось о хороших добрососедских отношений между СССР и фашистской Германией. Писалось в “Правде” о вымыслах западных корреспондентов о подготовке фашистов к нападению на Советский Союз. Все это “Правда” считала злым вымыслом врагов СССР. Между Германией и СССР Министром иностранных дел Молотовым был заключен договор о дружбе и помощи Советским Союзом Германии в пищевых продуктах, угле и стали. В 1940 году фашистская Германия неожиданно начала всей своей мощью захватывать и присоединять к Германии западные государства. В первую очередь, была разгромлена Франция, присоединилась к Германии Австрия, Румыния, Болгария, Дания, Люксембург, Норвегия. В 1940 году Советский Союз присоединил на добровольных началах к СССР Литву, Латвию, Эстонию и поделил с Германией разбитую Польшу. В это время Колыма пополнилась газета большим количеством, вывезенных из своих, до этого самостоятельных государств, граждан этих стран. Ежегодно, с началом навигации, “Дальстрой” и “Феликс Дзержинский” привозили на Колыму не менее 50 000 человек, большая половина которых к следующему навигационному сезону вымирала. Такая участь досталась и заключенным из присоединенных к СССР Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии. В начале 1941 года газета “Правда” все время твердила о хороших отношениях между СССР и фашистской Германией и опровергала слухи западных корреспондентов о том, что Сов. Союз подтягивает свои войска к границам с Германией. Сталин будто бы знал об этом из донесений своих заграничных агентов, но не верил этому. Германские воздушные силы в 1940 и 1941 годах начали усиленные бомбардировки Лондона, принося большие разрушения в городе. Председатель Совета Министров и министр обороны Англии Черчилль быстро организовал воздушную оборону Лондона. Была введена всеобщая воинская повинность, до этого армия в Англии состояла из добровольцев. Так обстояли дела к середине июня 1941 года. Несмотря на заверения газеты “Правда”, совершенно неожиданно для СССР войска фашистской Германии напали на наши приграничные части, ничего подобного не ожидавшие со стороны Германии., быстро разгромили их своими танковыми частями и начали быстро продвигаться вглубь страны, охватывая в клещи целые армии, расположен-

ные к востоку от Бреста. Небольшой гарнизон Бреста на короткое время задержал немецкие части. Оставив небольшую часть войск, окруживших Брест, германские части быстро продвигались на восток, вскоре оккупировали Киев, перешли Днепр и по всему фронту от Ленинграда до Одессы двигались вперед. В войну с СССР вступила в союз с Германией Финляндия, затем Румыния (из-за отобранной у нее Бессарабии), Италия, небольшие воинские части из Испании. Вскоре был окружен Ленинград и подвергался ежедневным артиллерийским обстрелам. В Ленинграде без света, воды, продуктов, хлеба начался сильный голод, унесший жизни тысяч и тысяч ленинградцев. Немецкие части подошли к Харькову. Перед этим Харьковские заводы были эвакуированы в Сибирь. Немцы в течение 2х суток не занимали Харьков. В эти два дня безвластия в городе громили магазины, мукомольные мельницы. Тащили все, что можно было есть или продать. Две девки везли пианино из чьей-то оставленной квартиры мимо дома, где продолжала жить Дуся, Люся и мать Дуси. Перед отступлением наших войска из Харькова брат Дуси Володя забежал на несколько минут к своей маме и Дусе, попрощался с ними и сразу же ушел со своей танковой частью (Володя был призван в армию и получил назначение в танковую часть). Как потом рассказывала Дуся, был большой танковый бой между немецкими и советскими танковыми частями. Володя погиб во время этого боя, т.к. с тех пор о нем не было никаких известий. Никакой переписки из Колымы с материком не допускалось. Кое-что, происходящее на Колыме, о приисках и порядках в них попадало случайно через письма заключенных, доставленные на материк вольнонаемным беспартийным рабочим или служащим, благосклонно относящемуся к данному заключенному. У меня лично никакой связи с семьей и родными не было с 1938 года, с момента прибытия на Колыму. Я не знал, где моя семья, кто остался в Харькове, кто остался в живых. Считал себя совершенно одиноким, заброшенным судьбой в этот проклятый край издевательств над политзаключенными и массовой их здесь гибелью. В ночь начала войны с Германией из барачков было изъято по небольшому количеству контриков. О том, кем были эти заключенные на свободе, какие должности занимали и чем занимались, я не знаю. Знаю только, что все они вначале войны с Германией были уничтожены здесь на Колыме. Я знал много военных и невоенных политзаключенных, подавших заявления через администрацию на имя Сталина о том, чтобы их освободили и направили на войну с фашистами в самые опасные места. Никаких ответов на все эти заявления ни один заключенный из Москвы не получил до самого конца войны. С началом войны питания заключенных, и так весьма скудное, совсем уменьшили и ухудшили. Лично я все больше и больше слабел. Начальство Дальстроя по прежнему в каждую навигацию по Охотскому морю требовало пополнения заключенной рабочей силы. Но с началом войны заключенных привозили на Колыму все

меньше и меньше. К 1941 году прииск Майорыч все более беднел добычей золота. Количество заключенных все уменьшалось. Однажды днем в конце 1941 года в бараке нас около 200 человек отобрали и сообщили, что переводят на прииск Бючанак, также почти выработанный, что до Бючанака километров 10 и мы пойдем пешком, надо перевалить две сопки. Окруженная конвоирами, наша колонна двинулась в путь и вечером прибыла к месту назначения. Дали нам поесть кое-какой баланды, а утром расставили по рабочим местам. Мне дали небольшую метлу, сделанную из железной проволоки, и заставили подметать слой пыли, в которой могли попадаться крупинки золота. Я же настолько ослабел, что не мог работать даже этой легкой метлой. Ко мне подошел инженер-геолог прииска, посмотрел на меня, мой жалкий вид, пожалел, очевидно, и сказал, что устроит меня в услужение небольшому коллективу вольнонаемных служащих прииска, оставшихся после закрытия прииска. Надзора за мной не было установлено. Была весна 1942 года и мне дали пилить и рубить на дрова сухие лиственницы для отопления кухонных плит вольнонаемных и начальника прииска. Жена одного из вольнонаемных, жалея мой вид, после своего обеда приносила мне большую миску каши, которую я всю съедал. Местность прииска Бючанак была совсем необжитой. Я без надзора после каши мог отдохнуть, т.е. посидеть в тени кустарника. На ночь приходил сам в барак для сна. Будучи безнадзорным, хорошо питаясь кашей доброй женщины, я к осени 1942 года довольно окреп. К этому времени прииск Бючанак закрылся совсем. Нас 2х заключенных отправили пешком по плохо проложенной трассе в открываемый прииск Хатанах Колымский, расположенный от Бючанака километрах в 15. Питание на этом вновь открытом прииске налажено не было, не было завезено никаких продуктов: ни муки, ни круп, ни селедки. Зима здесь началась рано. В сентябре все дороги к строящемуся прииску были перекрыты высокими заносами снега. Из-за этого машины к прииску не могли проехать. Расчищать эту дорогу было никому. Жалкую баланду варили из листьев колымской капусты даже несоленой, так как не успели завезти соли. Хлеб давали каждому по кусочку. От голода люди начали таять на глазах. Раз в две недели заключенных водили в наскоро сделанную баню. Чуть потеплеет, надо было начинать строительство нового прииска. Не было даже локомотива, так что в наскоро построенных бараках было темно, для того, чтобы выпить хотя бы горячей воды для освещения зажигали лучины. Администрация лагеря требовала от управления Дальстроя в Магадане пополнения рабочей силы, а Дальстрой требовал заключенных из Москвы. Война с Германией не давала возможности пополнения Колымского края ни заключенными, ни вольнонаемными. Заключенные Хатанах Колымского сами начали кое-какие работы по вскрытию пустой породы, начали строить сооружения, наподобие тех, что были на Майорыче. Меня и еще человек 10 поставили строить запруды на

небольшой речонке, чтобы к лету 43 года качать из запруды воду для промывки золота. В марте в более теплые дни, когда начало пригревать солнце, мы около запруды садились и грелись на солнце. Надзор за полуживыми людьми был слабый. Из-за очень плохого питания у меня после поправки на Бюченаке началась настоящая цинга. Десна кровоточили, зубы расшатались настолько, что я сам их выдергивал из десен. Ноги от ступней все больше и больше напухали, напоминая собой слоновьи. Опухоль подымалась все выше и выше, достигая грудной клетки. Даже ходить в баню мне было почти невозможно. Когда я в бане раздевался, то видевшие меня говорили, что как только опухоль дойдет до области сердца, мне наступит конец. В Москве, наконец, обратили внимание на большую гибель заключенных с начала освоения Колымского края. Магаданскому Дальстрою было дано распоряжение о направлении специальной врачебной комиссии, чтобы выяснить причины массовой гибели заключенных. В конце марта 1942 года комиссия прибыла в "Хатанах Колымский.". Когда комиссия увидела меня раздетым, то ужаснулась. Меня и еще десятка три заключенных признали полными инвалидами. Всех нас немедленно усадили в автомашину и отправили в инвалидный городок, расположенный в 23 км от Магадана. В этом инвалидном городке была небольшая мебельная мастерская, которая делала стулья, табуретки, скамейки для магаданских контор, магазинов и барачных заключенных. После перенесенных мной мук на приисках, в смысле питания и работы условия здесь показались мне необычайно легкими. Сначала по приезду нас накормили и направили без конвоя на вершину сопки стягивать вниз спиленные лиственницы к небольшой пилораме для распила на доски, укладывать эти доски в сушилку и разрезать остальное на чурбаки для отопления локомотива. На этой работе я проработал два дня и был переведен в деревообделочный цех в помощь малограмотному мастеру для составления простенькой дневной отчетности и вывоза из мастерской опилок и стружки. Примерно, через неделю опухоль у меня начала спадать. Я пошел в амбулаторию к врачу, тоже заключенному. Имя его я помню и до конца жизни моей буду ему благодарен. Звали его Нарцисс, отчество и фамилию его я теперь не помню. Три дня врач, чтобы не видели другие, давал мне выпить при нем рюмку рыбьего жира, полученного в свое время из Соединенных Штатов. Опухоль начала спадать, буквально, на глазах, но зато через несколько дней, моясь в бане, я обнаружил, что верхний слой кожи начал отрываться целыми кусками. Очевидно, американский рыбий жир был сильно витаминизирован, а врач, не зная этого, давал мне большие дозы жира. По неизвестной мне причине инвалидный городок в 23 км от Магадана был закрыт и нас перевели в наскоро построенный "Торфяник", специализирующийся на производстве больших торфяных плит в деревянной обрешетке. Было около 8 длинных барачных, в которых жили заключенные почти без всякого надзора, без

колючей проволоки перед бараками, без вышек со стоящими на них солдатами НКВД. Это объяснялось тем, что части НКВД, в большинстве, были переброшены на материк на войну и составляли особые части НКВД, наступающие в след с нашими наступающими войсками, и вели разнообразную работу по наказанию за различные преступления. В этом лагере на 72 км от Магадана была небольшая жестяницкая мастерская, в которой по Магаданским заказам делали разные поделки из листового железа: водосточные трубы, тазы для бань и всякую другую мелочь. Заведующий мастерской, инженер – железнодорожник, отбывал в этой должности свой срок заключения. Помощником у него был военный инженер, также отбывающий свой срок. Они взяли меня на работу в этой мастерской нормировщиком по жестяницким работам. Одному вольнонаемному жестянщику, приезжающему из Магадана и делавшему какую-то ответственную работу, я выписал более высокую оплату. По субботам он уезжал в Магадан и в подарок привозил мне из Магадана буханку хлеба. По окончании рабочего дня в мастерской я свободно уходил из лагеря в лес к небольшой речонке и на небольшую, найденную мной удочку, на кетовую икру, ловил по десятку мелкой форели, которую варил в мастерской в банке из-под мясных консервов. Пополнения заключенными, вольнонаемными работниками и служащими и инженерно-техническими работниками с материка в 1942 году не было. Поэтому из Дальстроя в Магадан было дано указание всех заключенных инженеров немедленно отправить в Магадан для работы по специальности в технических конторах Дальстроя., на авторемонтный завод в Магадане и судоремонтный в Нагаево. Я попал работать чертежником на авторемонтный завод в отдел по ремонту горного оборудования. На заводе было несколько цехов: два механических, один авторемонтный, один кузнечный, один по ремонту горного оборудования, один инструментальный, один по ремонту шарикоподшипников, один деревообделочный и один заготовительный для резки и заготовки листового 5мм железа и круглых и шестигранных сортовых материалов. Проработал чертежником я недолго, т.к. из-за непривоза с материка грузовых автомашин, ремонтировать было почти нечего. Шесть молодых вольнонаемных инженеров из Москвы решили на свои сбережения купить один танк. Они получили разрешение из Москвы и на своем танке включились в войну с фашистами. В чертежной авторемонтного завода работала пожилая копировщица. Она ежедневно покупала нам по буханке хлеба. Из-за отсутствия работы нас двух заключенных инженеров сократили. Я перешел на работу в 1й механический цех работать на старом токарном станке. Проработал токарем я всю зиму 1943-44 года почти до марта 1944 года. Я поссорился с мастером из бывших заключенных в присутствии гл. механика и директора завода. Главный механик попросил директора завода отпустить меня в его, гл. механика распоряжение, т.к. у него некому было делать чертежи для ремонта оборудо-

вания, выписки нарядов на ремонт, составления годовых планов ремонта станков, т.к. единственный вольнонаемный инженер-механик времен первой мировой 1914 года рассчитался и уезжает на материк. Так я устроился работать в отдел гл. механика. Однажды вечером в марте 1944 года по возвращению в лагерь меня вызвали к начальнику лагеря. Он начал упрекать меня в том, что с сентября 1936 года я не сообщал семье и родным о своем существовании. Я ответил ему, что в тех лагерях, где я был, нельзя было иметь ни бумаги, ни огрызков карандаша, что поэтому я не знаю, где мои родные, моя семья. За все эти годы я их потерял и считаю себя совершенно одиноким. Начальник лагеря наклонился и вынул из своего письменного стола письмо с Кавказа, адресованное дочерью моей Лорой в УСВИТЛ НКВД Дальстроя в г. Магадан с запросом о моей судьбе и, если я за эти годы остался жив, то где я нахожусь. Начальник Дальстроя передал это письмо ему, начальнику лагеря с указанием ответить моей дочери Ларисе на этот запрос. Начальник лагеря передал мне письмо Лоры и ее фотокарточку с условием немедленно ответить дочери. В октябре 1944 года вызвали в канцелярию лагеря и сфотографировали. 7 октября мне дали документ об освобождении и 30 рублей. Итак, я отбыл 8ми летний срок своего заключения на основании решения Военного прокурора войск НКВД по Дальстрою (смотри в папке этот документ), но с остающимися 3мя годами поражения в правах. Мне выдали паспорт и выпроводили из лагеря. Я попросил дежурного вахтера разрешить мне переночевать в лагере., так как мне негде было больше переночевать. Я получил отказ. Взяв свои шмотки, пальто я ушел из лагеря вниз к реке Магаданке. Случайно вспомнил отбывшего свой срок два года тому назад старшего мастера Паровозостроительного завода Корнилова, который жил на частной квартире. С трудом поздно вечером я разыскал Корнилова и попросил его оставить меня на ночь у себя. Он согласился и три ночи я спал с ним вдвоем на одной кровати. Корнилов работал в это время в авторемонтной мастерской через забор от авторемонтного забора и часто через щель в заборе, будучи уже вольнонаемным, передавал перед отправлением в лагерь то пол хлеба, то кусок жареной рыбы. Корнилову я всегда буду благодарен за поддержку. Через три дня комендант авторемонтного завода выделил мне кровать с тумбочкой в большом рабочем бараке, где жили отбывшие свой срок заключенные, теперь вольнонаемные. рабочие авторемонтного завода. В 1943 году Соединенные Штаты вступили в войну с Японией. Бухта Нагаево стала перевалочным пунктом передачи Советскому Союзу по лендлизу военных самолетов, автомашин студбеккер, муки высшего качества, разных консервов и разного оборудования. Застревавшие в Магадане американские товары, мука и консервы спасали Колымское население от поголовной гибели. Каждый вечер часам к 10 вносили ящики с нарезанными по 600 гр. порции американского белоснежного хлеба. Я, не засыпая, ждал этой ночной

выдачи хлеба и сразу же съедал все 600гр., ожидая следующей ночной выдачи. Это было в последний год моего заключения в Магаданском лагере. После моего переезда в огромный рабочий барак, я со своими небольшими заработками каждый вечер после работы варил в кухне на общей большой плите в большой кастрюле, сделанной жестящиком Журавлевым из толстого листа алюминия, суп из промытых в кухне голов горбуши с небольшим количеством крупы. Не представляю, как я мог за раз съесть такое количество жирной пищи. За месяц такого питания я пополнил так, что сам себя не узнавал. В 1944 году Соединенные Штаты вступили в войну с фашистской Германией. Наши войска вели наступление на всех фронтах. После Сталинградской битвы, где сдалась в плен огромная германская армия Паулюса, после разгрома немцев под Москвой началось быстрое отступление немецких войск на всех фронтах. В 1944 году из лагерей Магадана стали освобождать завезенных на Колыму польских граждан, вывозить самолетами в организуемые в Польше и Иране польские воинские части. В Иране польские военные части оставались до конца войны. В конце 1944 года я получил от Лоры из Тбилиси небольшую денежную помощь, что на первое время мне много помогло. В письме Лора писала, что она не знает, где находятся мама и Люся и, что как только она получит очередной тарифный отпуск на своей секретарской работе в одном из Тбилисских учреждений, то поедет в Харьков разыскивать маму и Люсю, которых оставила в нашем доме перед вступлением в Харьков немецких войск. По совету мамы сама она уехала к Ниле в Сталинград, где в то время жила моя и Нилы мама. Зять Гриша был призван в армию. Лора прожила у Нилы короткое время, т.к. наступающие немецкие части начали охватывать Сталинград. Лора эвакуировалась на Кавказ, где сначала нашла работу на чайной плантации. Немного освоившись на Кавказе, переехала на жительство в Тбилиси. По получению летнего отпуска Лора в сложных в эти годы железнодорожных условиях и порядках с трудом добралась до Харькова и узнала, что мамы и Люси в Харькове нет. От соседки Басовой Лора узнала, что при занятии Харькова немецкими войсками, нижнюю комнату и кухню занял немецкий военный врач с денщиком. Мама, Люся и мамина мама сильно голодали. При отступлении немецких войск из Харькова нашу квартиру у Дуси отобрали для какой-то националистической украинской семьи. Дусина мама умерла при немцах, как и большое количество харьковчан и жителей поселка Здоровье. Мертвых выносили на улицу и там полураздетых оставляли. Трупы днем подбирали на телеги и вывозили в общие могильные ямы на Журавлевском кладбище для захоронения. Мама и Люся распродали на рынках Харькова то, что еще оставалось из вещей. Часть вещей мама на санках повезла в пределы Курской области и обменяла на продукты в курских деревнях. Доведенные голодом до крайности, они бросили Харьков. За несколько дней до этого произошел та-

кой случай. Люся на Благовещенском базаре продала кое-какие вещи и, купив немного хлеба, возвращалась домой. Она настолько ослабла, что на бульварчике напротив поселка Здоровье села отдохнуть. Был зимний день, ей стало так хорошо, что она начала засыпать. Проходившие мимо немецкие солдаты увидели, что Люся замерзает, растормошили ее и Люся дошла домой. Об этом и многом другом я узнал позже из рассказов Дуси и Люси, когда они уже были со мной в Магадане. В телеграмме в 1944 году Лора сообщила мне, что судьба мамы и Люси пока ей не известны. 10 декабря 1944 года я получил телеграмму из Тбилиси от Лоры о том, что мама и Люся в селе Горбаневка Полтавской области на экспериментальной базе. В следующей телеграмме, примерно, через месяц Лора сообщила, что в отпуск ездила в Полтаву, что мама и Люся в благополучном состоянии. В 1945 году я подал заявление через директора завода в Дальстрой о разрешении моей жене и дочери приехать ко мне в Магадан. В письме от 9 сентября 1945 года Дуся сообщила мне, что недавно получила из Москвы документы с разрешением отъезда ее и Люси в Магадан ко мне на жительство. Московское отделение Дальстроя быстро решило этот вопрос. В этом же письме она писала мне, что уже осень и они с Люсей не успеют быстро собраться в такую дальнюю дорогу. Они в течение зимы соберутся немного со средствами. Помочь деньгами на дорогу обещали Лена и Лора. Я выслал Дусе на проезд в Магадан тысячу рублей послевоенными деньгами, на которые по распоряжению Сталина были обменяны все деньги военного времени. Дуся с Люсей выехали в Магадан весной 1946 года. С большим трудом они добрались до Владивостока. Во Владивостоке Люся продала несколько вещей, так как у них уже не оставалось денег. Устроились они на теплоход "Дальстрой" и в конце августа 1946 года по приходу теплохода в бухту Нагаево я встретил Дусю и Люсю. Приехали Дуся и Люся из Горбаневки полураздетыми. На Дусе была жалкая изношенная телогрейка, у Люси немного получше, у обеих полуразбитые изношенные туфли. С момента освобождения 7 октября 1944 года я работал вольнонаемным инженером в отделе главного механика завода с окладом 1800 руб в месяц. Жил я со времени освобождения в одноэтажном бараке. Когда встретил Дусю и Люсю по их приезду на Колыму, то попросил начальника котельной завода Андреева разрешения переночевать Дусе и Люсе в его квартире. Жена Андреева, добрая женщина, освободила одну из 2х комнат их квартиры в 2х этажном доме для вольнонаемных авторемонтного завода. Оставив Дусю и Люсю в комнате, предоставленной им Андреевой, я сбегал в свой барак и принес им поесть жареной камбалы, пойманной мной за день до этого в бухте Нагаево, и хлеба. Снабжение магазинов в Магадане в этом 1946 году и в 1947 году было очень плохим, все выдавалось по карточной системе. На следующий день после работы я через коменданта завода получил разрешение освободить кладовку напротив барачной кухни

от дров для плиты. Люся помыла эту кладовку от грязи и пыли горячей водой. Я поставил две кровати с узким проходом между ними. Однажды в это наше жилье зашел военнопленный японский офицер и очень удивился, увидев наше жилье. После капитуляции Японии в Магадан начали прибывать целые воинские части из Южного Сахалина и всех Курильских островов. Японские войска сдались по приказу японского императора. Тысячи военнопленных японских солдат работали по разгрузке дров привозимых по узкоколейке длиной в 60 км, и складывали их в штабеля в большом дровяном складе, расположенном напротив бараков завода. Японский офицер наблюдал за работой своих солдат на дровяном складе и зашел в нашу кладовку посмотреть, как здесь живут люди. От Лоры из Тбилиси пришла телеграмма, что они с Ираклием Хоперия поженились. В письме Лора писала, что вышлет Дусе посылкой зимнее пальто. На 2ом этаже дома, где Дуся и Люся провели первую ночь в Магадан, через 3 дня освободилась одна комната. Я обратился к директору завода и он дал распоряжение коменданту предоставить эту комнату в мое распоряжение. Через три дня после освобождения этой комнаты прежними жильцами Люся побелила комнату, вымыла пол и мы переселились в нее из своей кладовки. Отопление этого дома и вообще всех заводских рабочих бараков было паровым от бойлера, расположенного недалеко от бараков. Даже в большие морозы в комнате у нас всегда было тепло и часто приходилось открывать форточку. Я жил в этой комнате и после отъезда Люси и Дуси из Магадана до своего выезда в Александрию в 1955 году. Жил то сам, то , по моему согласию, с подселенным ко мне сначала мастером фрезерного отделения 2го механического цеха Штраусом, а затем Кеше. В воскресенье я с Люсей побывали на Магаданском базаре, я купил ей куртку из оленя с шерстью наружу. Моего заработка в 1900 руб в месяц было недостаточно из-за дороговизны в магазинах, отсутствия в них товаров, из-за карточной системы. По карточкам иногда ничего не выдавали кроме пол кило хлеба. С Дусей и Люсей мы жили в трудных условиях. Несколько привыкнув к Магадану, я устроил Люсю в конструкторское бюро Дальстроя ученицей-копировальщицей. Ученицей Люся пробыла меньше месяца, быстро освоила это дело и начала сама зарабатывать 800 руб. в месяц. Начала приодеваться. Через некоторое время и Дуся устроилась на работу на почтамте по выдаче писем до востребования. Зарабатывала Дуся тоже 800 руб. в месяц. С середины 1945 года на Колыму начали поступать огромные партии военнопленных русских из Германии. Это продолжалось всю навигацию 1945 года и 1946 года. Возвращающихся из немецкого плена русских солдат пропускали через проверочные пункты НКВД. Всех этих военнопленных и, оставшихся в живых, власовцев прямым путем направляли на Колыму. Все эти бедняги были в телогрейках с номерами белой краской спереди и сзади телогрейки. Где их размещали в лагерях Магадана, я не знаю, как

не знаю сколько их было размещено пол лагерям материка и Воркуты. В 1949 году Люся уехала в Александрию жить у Медичей, Дуся оставила работу на почтамте в 1951 году и в 8 часов вечера 3го июня 1951 года тоже уехала в Александрию. Жена Валентина Перфильевича Медича, техника – строителя, Евдокия Васильевна, была теткой Дуси. У Медичей со второй половины года она прожила года полтора, потом Дуся на присланные мной 17 тысяч рублей купила небольшую квартиру на окраине Александрии. Квартира состояла из двух маленьких комнат и кухни. Из-за огромных потерь (до 20 миллионов) в войне с Германией и большой потребности в инженерно-технических работниках для восстановительных работ по стране, Магадан инж-техническими работниками не пополнялся. Попадали в Магадан с материка выгнанные с мест настоящие алкоголики. Такие несколько человек попали и на авторемонтный завод. Но продержались они на заводе до первого запоя. Поэтому в Москве по указанию Сталина весь инж.-технический персонал, переживший Колымскую каторгу, навечно закреплялся за Колымой. У нас у всех, получивших паспорта по освобождению из заключения, изъяли паспорта в 1949 год и начали вызывать в деревянное здание, расположенное недалеко от Главного управления Магаданского Дальстроя, раз в неделю для отметки о своем присутствии в Магадане. Вместо паспортов выдали удостоверения личности и взяли подписки о том, что в случае побега к виновным будут применяться внесудебные наказания вплоть до расстрела. Каждый понедельник утром в помещении НКВД у полковника собиралось несколько сот человек, в том числе, и я. За все время моей работы на заводе после освобождения из заключения я ни разу не имел отпуска, получая вместо него денежное вознаграждение. И только один раз по распоряжению директора завода я получил направление на отдых с 28 мая по 25 июня 1954 года на курорт “Талая”, примерно, в 600 км от Магадана. Здесь в 3х км от санатория из земли вырывался большой горячий источник с температурой воды около 90 грдЦ. Недалеко от санатория находились большие тундровые болота, из которых брали грязь для лечения грязевыми процедурами женских болезней. Горячая вода источника по большому изолированному металлическому трубопроводу поступала на все нужды санатория, уборные, умывальники, ваннные помещения, разные процедуры и большую оранжерею. Здесь в “Талой” я хорошо отдохнул 24 дня. Врач при первом осмотре определил у меня неврастению с явлением венечно - дистропный и сопутствующий кардиосклероз. От физзарядки я был освобожден, а режим - прогулки. По возвращению из отпуска из “Талой” я по прежнему принялся за работу, фактически, выполняя обязанности главного механика завода, хотя официально должность гл. механика занимал коммунист Машков, окончивший после московской 10ти летки какой-то техникум при 1ом Московском шарикоподшипниковом заводе. Приехал он в Магадан как вольнонаемный сразу по

окончанию техникума в 1935 году с молодой женой, тоже окончившей какой-то техникум. У них была большая семья из мальчиков и девочек, родившихся в Магадане. Машков вступил в партию в 1950 году и после этого был утвержден на должность гл. механика завода. До этого Машков работал механиком в небольшом чугунно-литейном цехе. На заводе было 5 механиков в основных цехах завода по одному в каждом цехе. Они были без технического образования, но с большим опытом по ремонту оборудования. При каждом таком механике было по несколько человек слесарей по текущему ремонту своего цеха. Капитальный ремонт оборудования осуществлялся по ежегодно составляемому плану ремонта станков и всего прочего оборудования всего завода. Капитальный ремонт каждого станка проводился через каждые два года и выполнялся мастерами и слесарями общезаводского ремонтного цеха. По окончании войны в 1945 году ремонтный цех был переведен из небольшого помещения в большое одноэтажное здание, где до этого был деревообделочный цех. Перевод в эти помещения был связан с большим расширением программы завода и поступлением большого количества американского оборудования по лендлизу и застрявшему на складах Магадана после окончания войны. Ремонтный цех сильно разросся и имел теперь механический цех с совершенно новыми станками, необходимыми для капитального ремонта, эл.сварочное и жестяницкое отделения. В механическое отделение был назначен начальник цеха, нормировщик и контрольный мастер. Свой небольшой конструкторский отдел помещался рядом с кабинетом главного механика. Рядом со столом гл.механика стоял мой большой письменный стол. Выполняя фактически всю работу гл. механика, я руководил конструкторскими и ремонтными работами, установкой подъемных кранов, компрессорной установкой канадской фирмы Ингерсон-Рейд, вентиляционными установками в цехах, установкой 3х тонного американского молота "Ира", работавшего сжатым воздухом из установленного невдалеке на пригорке компрессора, обеспечивавшего все нужды завода в сжатом воздухе. Работать мне приходилось много. Часто по ночам меня вызывали на работу из моей комнаты, где мы жили с Дусей и Люсей до тех пор, пока они не уехали на материк. В Александрию. Так было и после их отъезда. Главного механика Машкова в эти работы не вмешивали, т.к. и директор и гл. инженер смотрели на него только как на партийца, и не более. Мне повысили оклад до 2000 руб. в месяц и часто выдавали денежные премии. Я не пил, не тратил денег, кроме, как на папиросы. После отбытия 3х летнего срока поражения в правах начал получать в конце каждого года денежное вознаграждение за выслугу лет. Получил из Магаданского соцстраха 10000 рублей за годы работы вольнонаемным на заводе. Но паспорта у меня по прежнему не было, а было удостоверение личности, с которым я ходил в НКВД к полковнику для отметки. Зимой и весной каждое воскресенье я с товарищами по рабо-

те и с конструктором Вас. Вас. Павловым ходили в бухту Нагаево рыбачить. Пробивали лунку во льду и ловили корюшку, пахнущую свежими огурцами. Затем корюшка сменялась навагой и, наконец, когда в бухте сходил ледяной покров, ловили камбалу. Часто на крючок цеплялись морские звезды. Изредка удавалось подцепить и вытянуть большого краба. Пока Дуся и Люся жили в Магадане, мы часто ели пойманную мной камбалу. После отъезда Дуси я начал после работы ходить в рабочую столовую, где иногда брал только два вторых блюда. Ко мне с моего согласия подселили Штрауса, мастера фрезерного отделения 2го механического цеха. К Штраусу по субботам приходила женщина лет сорока, тоже отбывшая срок заключения 5 лет за мужикоммуниста, расстрелянного в 1937 году. Она работала в Магаданском промкомбинате и жила, как и другие женщины с подобной судьбой, в большом жилом бараке промкомбината. Хотя они уже были свободными, их с от 5-10 лет заключения на материк не отпускали. По субботам приходившая к Штраусу женщина, мыла пол у нас в комнате, приносила с собой немного спирта и что-нибудь вкусное. Мы ужинали. Денег из своей получки я без толку не тратил. Костюм купил только один, белье сдавал в прачечную. Деньги клал на сберкнижку. Дусе на пошивку зимнего пальто перечислил 2000 рублей. В 1953 году началось преследование Сталиным евреев врачей. На Кремлевских врачей-евреев донесла женщина-врач кремлевской больницы, за что получила орден Ленина. Пытками Берия и его помощники добились, что врачи и профессора сознались в своих будто бы преступлениях, что это они отравили Горького и готовились отравить в Кремлевской больнице еще многих близких Сталину лиц.. Все эти евреи ждали своего смертного приговора. В марте 1953 года неожиданно всем предприятиям, заводам, учреждениям и магазинам дали команду оставить работу и собраться всем на большой площади перед Главным Управлением Дальстроя. Когда вся площадь заполнилась людьми, выступил Главный политработник Дальстроя и сообщил о смерти отца народов, великого ученого, великого ленинца генералиссимуса Сталина. Некоторые женщины, жены больших начальников Дальстроя стали плакать. При отъезде Дуси с Колымы, прощаясь с ней, я сказал, что вряд ли мы увидимся, пока жив Сталин. Сталина забальзамировали и уложили в мавзолей рядом с Лениным. Берия и его помощников расстреляли. Орден Ленина отобрали у женщины-врача. В Центральном комитете КПСС начались перемещения смещения и перестройки во всех партийных организациях, пока вся власть не сосредоточилась в руках Хрущева. Началось постепенное облегчение положения простых людей в Советском Союзе. Началось смещение следователей, прокуроров, судей Сталинского времени. Из Москвы на замену прежним работникам МВД были присланы новые люди.. Весной 1954 года главный механик Машков со всей своей многочисленной семьей уехал в Москву к матери, где пробыл в отпуске до начала января 1955 года.

На время отпуска Машкова я был назначен гл. механиком завода с окладом 2500 руб. в месяц. Временно исполняющим обязанности директора завода вместо Милованова, находившегося на материке в отпуске, Дальстроем был назначен Дав. Арон. Либенсон, до этого главный инженер завода. Я дважды подавал письменное заявление Либенсону об увольнении меня с работы на заводе по возвращению из отпуска Машкова и моем выезде с Колымы. Либенсон обещал не препятствовать мне. И 28 января 1955 года я получил разрешение уехать из Магадана без возвращения на Колыму. Конец 1954 года внес большие перемены в работу органов НКВД. Полковника, отмечавшего мои явки к нему, сменил присланный из Москвы новый работник НКВД. Временное удостоверение, с которым я ходил отмечаться, он забрал и вернул мне мой паспорт. За время проживания в Магадане после отъезда Дуси я раз в месяц писал в Верховный Совет и в различные правительственные министерства в Москве жалобы на неправильное мое осуждение в 1937 году с просьбой разобраться по сути жалобы. На все мои обращения из различных органов я получал однотипные извещения, что мое заявление ими получено и будет ими рассмотрено. Так продолжалось без конца (смотри эти ответы и копию одного моего заявления на неправильном моем осуждении в 1937 году). В начале февраля 1955 года я вылетел из Магадана самолетом через Новониколаевск в Хабаровск. Перед отъездом я устроил с помощью жены Скрипова прощальный обед всем оставляемым мною сослуживцам. Обед обошелся мне в 1000 руб. Кроме уцелевших и оставшихся в живых бывших заключенных теперь уже свободных сослуживцев, присутствовали на обеде Либенсон, Вассерман, начальник механического цеха ремонтного цеха. На момент моего отъезда из Магадана у меня на сберкнижке собралось около 99 тысяч рублей. В заводской сберкассе такой суммы не оказалось. Недостающие 35 тыс. рублей мне пообещали выслать бесплатно по первому моему запросу с нового места жительства. Пришлось согласиться с этим. Получив наличными 60 тысяч рублей, я поспешил, т.к. уже заканчивался рабочий день, в центральную сберкассу, где получил аккредитив на эти 60 тыс. руб. С собой у меня было наличными около 3 тыс. рублей и почти на 25 тыс. рублей принудительных Сталинских облигаций ежегодных займов, каждый не меньше месячной зарплаты. В Магаданский аэропорт меня проводили Эрнст Кэшс и один работник компрессорной установки. Свою комнату в Магадане со всем, что в ней находилось я оставил бесплатно Кэшс, который вскоре зарегистрировал свой брак с Надей, тоже отбывшей свой срок заключения за материал из парашюта, из которого она пошила себе белье. После освобождения она работала в архиве при конструкторском бюро гл. механика. В Хабаровск с остановкой на дозаправку в Новониколаевске самолет прибыл уже в темную ночь и я на подозрительной автомашине в 10 часов вечера добрался до Хабаровской гостиницы Дальстроя. Мест в гости-

нице не оказалось. Все номера были заняты отъезжающими на материк или ожидающие самолет в Магадан и Заполярье. Мне удалось упросить дежурную кассиршу разрешить мне переночевать на стуле у ее конторки. Утром в 10 часов я позавтракал в столовой на центральной улице Хабаровска и по набережной замерзшей реки Амур пошел искать городскую железнодорожную кассу и вокзал. В городской железнодорожной кассе в сторону Москвы осталось около 10 билетов в мягком вагоне. Пришлось до Москвы взять такой билет, стоивший около 800 рублей. Купив билет, я вошел на почту и послал телеграмму Лоре в Тбилиси с указанием номера вагона и поезда, которым выезжаю из Хабаровска. Такую же телеграмму отправил в адрес Дуси. Еще в Магадан Лора телеграфировала мне, что приедет в Москву, чтобы встретить меня на Московском вокзале. Перед отъездом из Магадана заводоуправление и директор завода Либенсон выдали мне документ на получение в Московском управлении Дальстроя направление на курортное лечение. По приезду в Москву Лора встретила меня у вагона и отвезла на частную еврейскую квартиру, где мы с Лорой за посуточную плату прожили 4 дня. Утром с Лорой пошли в Управление Дальстроя и я получил направление на курорт Кисловодск. Вечером этого же дня мы пошли к защитнику, которого рекомендовал Лоре, живший в Москве грузин- начинающий писатель. Он и передал защитнику мое подробное описание судебного процесса надо мной в 1937 году. Защитник, которому я заплатил 300 рублей, прочитал мое заявление, сказал, что сделает кое-какие поправки и завтра устроит мне встречу с одним из новых работников НКВД. Лора решила, что мне надо купить новое пальто, т.к. я приехал в старом уже поношенном демисезонном пальто. Обошли все магазины одежды. Зашли в один комиссионный магазин и я, по совету Лоры, купил теплое зимнее пальто за 2 тыс. рублей. Это пальто до сих пор лежит у меня без дела, т.к. оно оказалось слишком большим и тяжелым. В радиомагазине я купил через спекулянта приемник "Беларусь" за 2 тыс. рублей. Он и по сегодняшний день работает у меня вот уже почти 20 лет. Расплатившись с хозяйкой - еврейкой, мы с Лорой поехали в Киев к Люсе, которая была замужем за инженером-конструктором по фамилии Швец, который по возрасту был немного моложе меня. Люся с мужем устроили прием в честь моего освобождения из Колымской неволи, Пригласили соседей по квартире и всех родственников-Швецов. Пробыв у Люси 2 дня, мы с Лорой уехали в Александрию, предупредив о своем выезде Дусю. На вокзале в Александрии нас встретила Дуся и ее знакомая Мария Ефимовна. И на такси повезли нас в собственную квартиру Дуси. Я познакомился с родственниками Дуси-Мадичами. Через два дня Лора уехала в Тбилиси. Проезд оплатил я и дал Лоре еще 1 тыс.руб. Через два дня я поспешил в Онуфриевку, чтобы через столько лет разлуки увидеть мою маму. В то время автобусы в Онуфриевку еще не ходили. Поехал поездом из Корыстовки до Павлыша. Станцию Павлыш

немцы при отступлении взорвали и полностью разрушили. В Павлыше я застал большую грязь на здешних дорогах, т.к начиналась весна. Из Павлыша в Онуфриевку 7 километров. Я упросил почтальона Онуфриевской почты, чтобы он на своей одноконной телеге подвез меня в Онуфриевку за деньги. С трудом по грязной дороге он довез меня до бывшей Онуфриевской церкви. Эта церковь в греческом стиле была построена на средства генерал-аншефа Екатерины II - Камбурлея. В склепе под церковью была похоронена семья Камбурлеев. В 30 годы церковь разрушили, склеп разграбили. Несколько баб проникли в склеп, надеясь найти дорогие украшения на умерших, поыворачивали останки из гробов, разбросали кости, но никаких драгоценностей не нашли. В притворе церкви мужики разбили вделанную в стену черную мраморную плиту, где церковными буквами была указана фамилия строителя церкви, его звание, и начало и конец постройки церкви. Это были годы середины 18 века. Сейчас здание церкви изуродовано и превращено в кинотеатр. У здания бывшей церкви я слез с подводы и пошел мимо старых графских построек для служащих в сторону верхнего пруда, где теперь образовался поселок Победа на левом берегу пруда. А на правом за лесничеством по новообразованной улице Красноармейской в третьем от начала улицы доме №6 жили теперь мама, Нила, Григорий Яковлевич, их сын- Вячеслав, ученик 9го класса Онуфриевской средней школы. Дочь Нилы-Людмила в это время училась на педагогическом факультете Харьковского университета. Я разыскал дом, который построил Григорий, будучи директором совхоза. Вошел в усадьбу и, впервые за 19 лет увидел маму, Нилу, Григория и Славика. За эти годы мама перенесла столько горя, что это не могло не сказаться на ее состоянии. Но по прежнему была бодра в движении, по прежнему худощавая и сгорбленная. Нила, тоже перенесшая столько горя и бед, была худой. Пробыл я у мамы и Нилы 3 дня, и Григорий отвез меня на грузовой автомашине в Павлыш и я уехал в Александрию. Из Александрии я уехал в Тбилиси к Лоре и Ираклию, их матери и внучке Манане, а от них через два дня в Кисловодск в санаторий "25 марта", куда прибыл с опозданием на один день. В санатории я пробыл 24 дня. В последующие годы, а особенно, весной и летом по несколько раз в год по 3-4 дня бывал у мамы и Нилы. Ловил рыбу в нижнем пруду, тогда, хотя и мелком, но по прежнему большом. Григорий, до начала войны работавший в сельскохозяйственном управлении Сталинградского обкома, с началом войны 1941 года был сразу мобилизован в армию. После краткой подготовки был со своей частью переброшен под Москву, куда в это время уже подходили немецкие войска. В бою с немцами Григорий был ранен, а затем до конца войны занимался подготовкой воинских частей, отправляемых на фронт. Мама, Нила и дети- Славик и Людмила оставались в Сталинграде до самого подхода к городу немецких войск и начала регулярного обстрела артиллерией. Пришлось под немецким обстрелом

с узлами взятых с собой вещей на лодке переправляться на левый берег Волги. И стать беженцами. Мама, Нила, Славик и Людмила очутились в заброшенной деревне на правом берегу реки Урал. В деревне оставался только один старик и женщины - колхозницы. Остановились в полуразрушенной хате. Нила, работая на ферме, быстро продвинулась по работе, и они стали меньше голодать. Коля с производственной школой, в которой работал старшим мастером, при подходе немцев к Кривому Рогу, демонтировал станочное оборудование и с учениками и женой с Змя дочерьми был эвакуирован под Петропавловск. Через короткое время был мобилизован в армию и пробыл на фронте до конца войны. Костя, работавший агрономом под Харьковом, также был мобилизован в армию, со своей частью попал в плен. Во время транспортировки пленных в Германию по дороге в Павлыше, по счастливой случайности, ему удалось бежать от немецких конвоиров и скрываться в Онуфриевке, пока Онуфриевку не освободили наши войска. Костя влился в наши части и прослужил до конца войны в качестве писаря. После освобождения Онуфриевки мама, Нила и Ольга с детьми приехали в Онуфриевку, где в первое время недоедали и голодали. Нила работала в лесничестве, квартиру снимали. Ольга работала в колхозе на выдаче топлива для тракторов. По окончании войны Колина семья вернулась из Петропавловска в Кривой Рог. Григорий Яковлевич, еще оставаясь в армии, разыскал семью в Онуфриевке и забрал маму, Нилу и детей в Кенисберг (теперь Калининград), где они прожили более полугодом. Затем Григорий был уволен из армии, и все возвратились в Онуфриевку, где Григорий был назначен директором совхоза, при котором в Камбурлеевке был конный завод. Коля и Костя после демобилизации вернулись к себе домой и застали свои дома в полуразрушенном состоянии. По возвращению из Кисловодска в Александрии я начал подыскивать дом, чтобы купить его на имя Дуси, вместо купленной за 17 тыс. руб. части дома, в котором она жила теперь. После осмотра нескольких домов в разных концах Александрии я нашел подходящий для нас с Дусей дом на улице Ленина №11 (теперь улица 6 декабря, 11) рядом с милицией. Дом стандартный финский, обложенный кирпичом с усадьбой при доме в 8 соток кв. метров с несколькими яблонями, абрикосами, малиной, крыжовником, смородиной. Осенью в октябре 1955 года я посадил несколько новых деревьев, а весной 1957 года 50 кустов винограда. Дуся продала свой дом за 15 тысяч рублей. Мне покупка нынешнего дома обошлась в 50 тысяч рублей. Один раз ездил автобусом в Елисаветград (теперь Кировоград), где учился в гимназии, был у дома на Сенной улице 125, где у бабушки и дедушки прошли мои детские и юношеские годы. Осмотрел весь город, который против прежнего сильно изменился, причем не в лучшую сторону. Так мы и жили с Дусей в своем доме. Совершенно неожиданно получили из Онуфриевки телеграмму (август 1968 года) о скоростижной смерти Григория

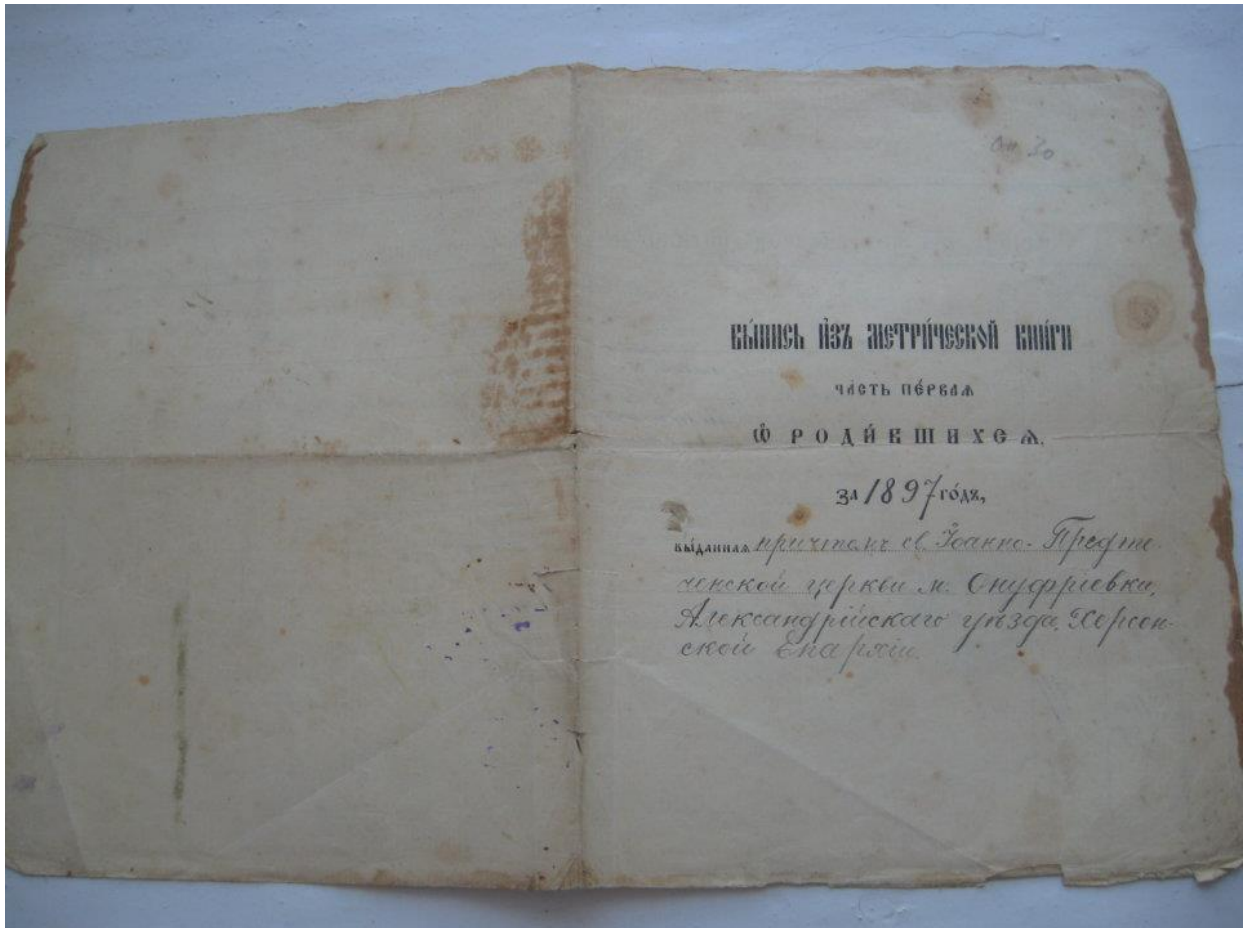
Яковлевича от разрыва сердца в посадке недалеко от дома. Григорий после работы директором совхоза был главным механиком совхоза, преподавателем сельскохозяйственных машин в 10м классе школы и, наконец, пенсионером. Похоронили Григория через день. На похоронах были все родственники - Резники, дочь Людмила, зять Юрий Семенович ,я, Коля и много знакомых. На неделю приезжали Костя и Ольга. Людмила и Юрий Семенович поставили на могиле отца памятник и ограду.

НЕКОТОРЫЕ ОТСТУПЛЕНИЯ К ПРЕДЫДУЩЕМУ.

Когда я встретился с Лорой в Москве ее знакомый грузин-начинающий писатель, рекомендовал мне защитника. Вечером вместе с Лорой мы зашли к защитнику домой, я ему передал написанное мною еще в Магадане заявление на имя Генерального прокурора СССР Руденко. Я оплатил расходы защитнику и еще 300 руб. Защитник взял мое заявление , внимательно его прочел и сказал, что надо внести некоторые поправки в текст , усилить, что это все он сделает сегодня же и завтра передаст куда следует . Мы договорились встретиться на следующий день на бульваре Москвы. Эти заявления и коррективы защитника я прилагаю здесь. 27 октября 1955 года, когда мы с Дусей жили в ее еще непроданном доме, к нам пришел милиционер и передал мне под расписку справку Военной коллегии следующего содержания: Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 июня 1955 года приговор Военного трибунала от 16 июня 1937 и решение Особого совещания при МГБ СССР от 30 декабря 1950 года в отношении Мерчанского Михаила Алексеевича отменен и дело о нем за отсутствием состава преступления производством прекращено с освобождением Мерчанского М.А. со спецпоселения. Подпись. Печать. Это результат действий моего и защитника в Москве. По получении сообщения о моей реабилитации я написал директору завода 183 о выплате мне денег, как полагается по закону в размере 2х месячного заработка в связи с реабилитацией по суду. Было дано указание главной бухгалтерии завода о переводе мне 2800 руб. из расчета 1400руб. месячного должностного оклада зам. начальника цеха в настоящее время. Деньги эти я получил и за 2000руб. купил телевизор "Рекорд". Моя мама начала сильно сдавать в здоровье, хотя все время возилась по хозяйству. 15 августа я был у мамы и Нилы. Мама почти ничего не ела, кроме стакана чая, и по всему было видно мне, что мама доживает последние дни. У Нилы в это время был Коля и оставался у нее на Воздвижение. 27 сентября 1971 года ночью мама умерла. Похоронили маму на третий день рядом с могилой Григория. В 1974 году в июле Коля сделал и установил памятник маме на ее могиле. Приехал я, приехали Костя и Ольга. Маме в это время было почти 94 года. Прошло еще три года и здоровье Ду-

си тоже начало быстро ухудшаться. Она страдала ревматизмом, радикулитом, сахарной болезнью. Мало ела, но сильно полнела. Пила разные лекарства, приписываемые районным врачом, делала внутривенные вливания лекарств. Ничего уже это не помогало. Прожили мы с Дусей в купленном мной доме с 1955 года по 1974 год. С января 1974 года Дуся стала тяжело болеть. Вечером 7 февраля 1974 года ей сделали укол для поддержания сердечной деятельности. За несколько дней до этого Дуся уже начала бредить, громко стонать и чуть ли не кричать. В 12 часов дня 8 февраля 1974 года она умерла. Врач, выданный свидетельство о смерти, учитывая большую полноту Дуси, посоветовал скорее ее похоронить. И похоронили Дусю на следующий день 9 февраля 1974 года в 15 часов дня. Приехали родные мои из Кривого Рога Коля, Вячеслав. Костя и Ольга не успели приехать на похороны, не успела приехать и Лора из Тбилиси. Кроме огромной работы Люси большое участие в погребении приняли: зять Сергей, его сестра Марина со своим мужем Иваном Андроновичем, сослуживица Люси по работе Антонина Корнеевна. Но основные хлопоты по похоронам мамы выпали на долю Люси. Я всегда уверял Дусю, что умру раньше ее. Неожиданная ее смерть так на меня повлияла, что я не мог спать, держаться на ногах. Поэтому я на похоронах не присутствовал, а пластом лежал на диване в квартире Люси. Могила Дуси теперь приведена в порядок, сделан памятник, эмалевая фотография, бронзовыми цифрами отмечены годы 1898(надо было 1897) и 1974г. Люся, когда осела земля, насадила цветы. Сергей сделал и установил в цементе небольшой крест. Могила окружена металлической оградкой. Все это делалось моими средствами из моей пенсии. По сегодняшний день я был на могиле Дуси всего 5 раз, так как уже седьмой месяц не в состоянии выходить со двора, Сергей нанимал такси и мы ездили на кладбище. Теперь все 7 месяцев после смерти Дуси меня лечит районный врач, делает мне вливание глюкозы и еще какого-то сердечного лекарства для поддержания сердца. Сначала из-за сердца сильно опухли ноги. Против этого выписали таблетки. Жена Вячеслава достала в Кр. Роге эти таблетки и Нилой передала их мне. Ноги начали меньше опухать, так как это очень сильное мочегонное средство. По сегодняшний день меня 5 раз навещала Нила, приезжали Людмила, Коля, Костя. Но по всему видно, что мне также скоро придется расстаться с жизнью. Люся, Сергей и Витя живут в нашем с Дусей доме и делают всю работу по дому, т.к. врачом –кардиографом и нашим районным врачом всякая чуть-чуть малая физическая нагрузка мне запрещена. Я никуда не выхожу, кроме как посидеть на солнце при солнечной погоде. Я не могу сходить в баню, в парикмахерскую. Вся нагрузка теперь легла на плечи Люси и отчасти Сергея, который носит в ведрах воду из колонки. Половину пенсии я отдаю Люсе, вторую откладываю на свои похороны, чтобы Сергей и Люся не тратились на мое погребение. Прошу бога послать мне легкую смерть без мучений.

Этим заканчиваю повествование о прожитой мной жизни, начатое год тому назад. 19 сентября 1975 года мне исполнилось 78 лет. По статистика в СССР средняя продолжительность жизни у мужчин в настоящее время составляет 70 лет, следовательно, я уже прожил 8 лет сверх положенных.

 тысяча восемьсот девятая седьмой годъ

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1897 ГОДА.

Возраст рождающемуся	Мѣсяцъ и день	Имя родившагося	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и каждаго изъ нихъ особно	Званіе, имя, отчество и фамилія восприимчивыхъ	Кто совершилъ таинство крещенія	Рисованное по устной записи по- любу
91	5 21	Михаилъ	Потомственный дво- рянинъ Алексѣй Григорьевъ Мержанскій и законная жена его Тараска Тосанова, оба православныя.	Народной грамоты Михаилъ Филипповъ Мозинскій и от- ставного флотскаго Матвѣя Капитана Алексаандра Глизианъ жена Давидовна Ивановна.	Священникъ Александръ Новицкій	L

Священникъ *Игорь Гендиль*
 иоо. Псаломщика *Иванъ Чернышевъ*

Мѣсяцъ *14* дня
 1913 года
 № *81*

СВІДОЦТВО

Предъявляющаго гражданина *Мержанскій Михаилъ Алексеевичъ*, що народився *11* *листопада* 1897 року в м. *Спудирівці* *Львівської* губ., після скінчення в 1917 році *Львівського* *технічного* *інституту*, згодом *вчився з 1918 року до 1924 року* в *Львівському* *Технологічному* *інституті* на *Механічному* *факультеті* і виконав усі вимоги *учбового* *плану*.

Установлений практичний стаж громадянина *Мержанскій* одбував на *Львівському* *середньовісному* *заводі*, по спеціальності — спеціальності, як *Технік*. Звіт про стаж затверджено комісією по стажу при *КРНО УСРР* *19* листопада 1926 року.

Громадянин *Мержанскій* виконав самостійну працю на тему: *Завод* *механічний* *машин* і оборони, тези цієї праці перед відповідною комісією при *КРНО* *29* лютого 1924 року.

На підставі цього громадянина *Мержанскій* *М.А.* кваліфікується як *Інженер-механік*.

Це свідоцтво видане УПРАВЛІННЯМ ПРОФОСВІТИ НАРКОМОСВІТИ УСРР за належним підписом і печаткою.

ЧЛЕН КОЛЕНІ НАРОДНОГО КОМІСАРІАТУ ОСВІТИ УСРР
 ЗАВІДАТЕЛЬ ЧИПРОФОСВІТИ *Лавров*
 СТАРШИЙ ІНСПЕКТОР *Інженер. Технічної* ОСВІТИ *Мих. Шустер*

№ *271*
 17-го дня 1927 р.
 М. ХАРКІВ.

СЕКРЕТАР УПРАВЛІННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ ОСВІТИ *Мих. Шустер*

Форма А
Видом на жительство не служит.
При утере не возобновляется.

НКВД СССР
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ
ЛАГЕРИ

Паспорт сер. *В/142985*
г. Магадан

Справка № 273087
МЕРЧАНСКОГО
Михайла Алексеевича

Управление Маглага
9 октября 1944 г.
№ 1296
г. Магадан.

1897 года рож. ния, уроженцу(ке) м. Анудриевки, Харьковской области

гражданство (подданство) СССР национальность русский осужденному(ой) Военным Трибуналом Харьковского Военного Округа

16 июня 1937 по ст.ст. 54-6, ч. 1, 54-10, ч. 1. Лишению свободы на 8 лет с поражением в правах на 3 года, имеющему(ей) в прошлом судимость Ранее не судимому.

наказания с 17 сентября 1936 по 7 октября 1944 в том, что он (она) отбывал(а) меру наказания с лишением в правах сроком на 71/1 год(а) со дня осуждения.

на основании заключения Нач. УСВИТЛ НКВД и Военного Трибунала войск НКВД по Дальнему Востоку из Севостлагерей НКВД освобожден(а) 9 октября 1944 и следует к избранному месту жительства в г. Магадан, С. С. С. Р.

Отдел *СВИТЛ*

Настоящая справка выдана 9 октября 1944 г.

СЗМ Начальник Управления Маглага
М. Д. Колмогоров

Начальник 2 Отдела
Л. С. Колмогоров

Форма № 30

СПРАВКА

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

27 октября 1952 г.
№ 001027/37
Москва, ул. Воровского, д. 13.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 25 июня 1955 года приговор военного трибунала от 16 июня 1937 года и решение Особого Совещания при МГБ СССР от 30 декабря 1950 года в отношении МЕРЧАНСКОГО Михаила Алексеевича отменены и дело о нем за отсутствием состава преступления производством прекращено, с освобождением МЕРЧАНСКОГО М. А. со спецпоселения.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
И. Колмогоров
/ПОЛКОВНИК/

33

Михаил Алексеевич Мерчанский с женой и дочерьми

